

оксана

Обухова

Женский детектив

**СМЕРТЬ —
ПЛОХАЯ ПРИМЕТА**

Пистолет, как черная дыра, поглощал тепло, свет и хорошее настроение.

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Детективное агентство «Нафталин»

Оксана Обухова

Смерть – плохая примета

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Обухова О.

Смерть – плохая примета / О. Обухова — «ЛитРес: Самиздат», 2009 — (Детективное агентство «Нафталин»)

В разгар рабочего дня Маша Ложкина нежилась в джакузи, наслаждаясь свободой. Неудачно потянув с полки полотенце, она свалила всю стопку, под которой оказался - о, ужас! - пистолет. Ряд умозаключений привел ее к тому, что смерть соседа - наркодиллера Стаса - по всей видимости, кто-то пытается свалить на нее. Найденная доза наркотика подтвердила страшную догадку. Пистолет Маша подбросила на балкон того же Стаса, от наркотика избавилась, но милиция упорно идет по ее следу. Одна в огромном городе, молодая женщина не знает, где укрыться от сыщиков и раскрыть тайну того, кто решил повесить на нее убийство. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	16
Глава 1	16
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Хочешь насмешить Бога – расскажи ему о своих планах...

Пролог

В октябре прошлого года, когда внезапно, как непогода, грянул всеобщий кризис, рекламный дизайнер Мария Ложкина ушла на вольные хлеба.

Или ее «ушли»...

Но суть не в этом.

Остаток осени и зиму хлеба эти колосились жидко. К весне дали тучные всходы, и вольный стрелок-хлебопашец Маша Ложкина первым же попаданием по центру жирной мишени отстрелила себе кусочек счастья в виде исполненной мечты – итальянской ванны джакузи.

Проворные молдавские мастера установили – точнее, втиснули – итальянскую мечту в рамки бетонного короба (ванной) типовой российской многоэтажки, и теперь Мария Ложкина могла себе позволить блажь: всяческие банные вольности в разгар рабочего дня.

Слов нет, приятно запрыгнуть в мельтешащую пузырьками воду, расправить плечи, расслабить спину, сведенную долгим сидением за компьютерным столом, и подумать о том, что нет над тобой начальства. Что запрыгиваешь ты в эту воду, когда душа изволит, а не после ежевечерней пробежки по маршруту офис – метро – магазин – аптека – прачечная – дом – плита, что работа твоя выполнена в срок, заказ отправлен клиенту по электронному адресу и даже принят, а ты, невзирая на разгар рабочего дня, можешь наградить себя купанием в резервуаре, полном резвых пузырьков.

Красота!

В принятии водных процедур в неположенное рабочим уставом время Мария Ложкина находила некое изошренное, чуточку мстительное удовольствие. Все заняты на производстве, гнут спину, роют землю, пашут, сеют. Ты – вся на воле в пузырьках.

Блаженство. И именно тот случай, когда из полученного вместе с приказом об увольнении лимоном получается приготовить качественный лимонад. Полезный напиток для себя одной, который, не жадничая, можно разделить еще и с близкими.

Блаженство. Истома. Щекотка пузырьков.

По мутному, в испарине зеркалу пробежала еще одна капелька воды, и на тускло-серебристом поле появился бесконечно длинноногий жираф с крохотными, расплюснутыми на концах рожками, восьмичленными конечностями и невероятным раздвоенным хвостом.

Или это получилась женщина. Сидящая на устремленном под потолок стуле. У стула опасные извивистые ножки, но крохотная головка женщины надменно вздернута – ей совершенно, ничуть не страшно...

Или это из морского тумана вынырнул трезубец бородатого Нептуна...

Или половинка разрубленного осьминога лежит на мутном серебряном блюде...

Подобные живописные фокусы всегда удавались на картинах Марка. Бросишь взгляд вскользь, и на заднем плане, сотканное из дождевых струй, появляется лицо. Странное, не выпуклое, а чужеродно вогнутое, с размытыми пятнами глазниц, растянутыми губами... Посмотришь прямо – исчезает.

Или лес. Стоит чуть-чуть расфокусировать зрение, и на краю опушки возникает фигурка пугливой обнаженной женщины. То нимфа прячется в листве, она сама – листва...

Как у мужа это получалось?

Марк редко позволял подглядывать. Лишь иногда, в момент, когда он работал как сумасшедший, Марья вставала за спиной художника и наблюдала удивительную картину возникновения из непонятных цветковых пятен призрачных существ. Все картины Марка были много-

слойны, задний план существовал отдельной жизнью и дополнял или, наоборот, искажал для невнимательного зрителя суть, основную идею...

Марк... Ненормальный гений, пропавший муж, самозабвенный лентяй, который променял, зарыл талант в ворохе героиновых «чеков»...

Он называл ее не Марией, а Марьей... В точности как мама и папа... Он целовал ее глаза и нежно гладил руки...

Как обычно случалось в последние два года, мысли о муже мгновенно испортили настроение.

Чертов дуралей!

Шесть последних месяцев Марья старательно развешивала по квартире черные пятна: на стенах вместо каждой из его картин – пятно. Его электробритва, тапочки – пятно. Они не существуют, не цепляют взгляда. Как задний план его картин они – inferно. Любое болезненное воспоминание загорожено большой дырой в пространстве, черные дыры всевластно втягивают в себя напоминающие предметы; дом Марьи превратился в единоличную вселенную, где божество велело – исчезать! Размазаться всему, имеющему память, контуры и плотность, пропасть, исчезнуть в тень под пятна – раствориться!

Эти круглые черные таблетки для беспамятства заполнили всю их квартиру...

Но лишь бы помогали! Забыться. Поскольку от любви Марию отучил сам муж. Осталось избавиться от последствий болезни, от иссушающей душу досады – недоглядела. Прощала слишком многое. «Маленькие слабости» приобретали тяжеловесность пороков, капризы становились буйством, лень, как один из смертных грехов, утягивала в ад...

Вода в джакузи вдруг показалась ледяной, пузырьки назойливыми, Марья привычно протянула руку к крошечной тумбе за полотенцем – облом. Банное полотенце закинута в стиральную машину на кухне, свежее Мария прихватить забыла.

Потряхивая мокрой головой на манер выкупавшейся собаки, жена художника обернулась махровым халатом и на цыпочках доскакала до бельевого шкафа в спальне. Полотенца лежали на верхней полке стеллажа. Маша вытянулась, выбросила вверх руку и потащила на себя полотенце, пристроившееся на вершине аккуратнейшей стопочки.

Везение, так явно дававшее о себе знать все нынешнее утро – заказчик оказался на месте у своего компьютера, работу одобрил сразу и отправил подтверждение о том, что гонорар будет перечислен на электронный кошелек, – закончилось: шершавое махровое полотенце не захотело мягко соскользнуть на руки хозяйки с нижележащего собрата, потянуло за собой всю стопку, которая рухнула вниз, больно ударив вольного землеша по голове. Марья выхватила из кипы под ногами первое попавшееся полотенце, намотала его на голову и снова посмотрела вниз – черт, что могло так больно треснуть по макушке?!

Возле ее босых мокрых ступней, почти прикрытый тряпками, лежал огромный черный пистолет. Пугающий и инородный, как бревно среди фарфора, он поглощал не хуже черных дыр тепло и свет, хорошее настроение и здравые мысли. Машины руки автоматически промакивали волосы, ушибленная голова звенела от пустоты, откуда-то из центра живота стал разливаться мертвящий холод...

Присела на корточки, дотронулась – тяжелый. Не игрушка.

«Надо надеть тапочки, – монотонно прозвенела первая здравая мысль. – Босиком простужусь...» Слепо цепляясь босыми ступнями за порожки, она пошла к ванной за оставленными там пушистыми тапочками.

Розовые шлепанцы с аппликациями мышинных мордочек привычно скользнули на ноги. Маша побежала обратно в спальню, пугливо застыла на пороге – пистолет никуда не исчез. Не проявил милосердия, не сделался призраком: внушительный и жуткий, лежал среди вороха ярких полотенец и, чувствовалось даже от двери в комнату, пах порошком и гарью.

Или это пахла ударенная Машина голова. Запах убийственного металла зацепился за волосы, застрял в ноздрях, стал беззастенчиво навязчивым – главенствовал. В воображении или в действительности.

Кошмар. Полностью материализованный в форме пистолета.

Мария подкралась к разноцветному вороху, села на корточки и некоторое время привыкала к жуткому железному присутствию.

Может быть, пистолет оставил Марк? Припрятал в бельевом шкафу, забыл... Что требовать от наркомана, теряющего разум без дозы?..

Марья подняла голову, взглянула на разоренную полку...

Нет. Пистолет точно лежал под стопкой полотенец. А их она недавно перебирала после генеральной стирки: укладывала по степени пригодности-приятности буквально неделю назад...

Или... он лежал где-то дальше? А сейчас просто зацепился за полотенца и выпал...

Но нет, нет и нет! Неделю назад Марья не торопилась, принесла из кухни табурет и привередливо перебрала всю стопку: старые либо жесткие – вниз, пушистые и мягкие – вверх!

Черт! Откуда взялся пистолет?!

Нагнетаемая страхом дрожь добралась от подмерзших ног до зубов, и челюсти заклацали билетным компостером. Капельки воды соскальзывали с плохо просушенных волос, стекали по шее и добирались до лопаток. Холод и страх леденили спину. Как каждая нормальная женщина, Марья боялась убийственных мужских игрушек – могуче рыкающих автомобилей, охотничьих ножей, пистолетов, ружей, крепких папирос и спиртных напитков. Мария любила пушистые полотенца, пузырьки в вине и в ванне, запаху сгоревшего бензина и пороха предпочитала флер духов...

Черт, что здесь происходит?!

Неделю назад – нет, пять дней назад – в соседней квартире убили Стаса Покрышкина... Сволочь, подсадившую Марка на героин...

Соседа убил – Марк?!

Боже... Догадка больно саданула по сердцу, Марья отшатнулась от горки полотенец, от пистолета и осела на пол: Марк продолжает приходить! Тайком. Он пробирается в свой дом как вор, подкладывает под белье оружие...

Зачем?!

И что еще он здесь оставил?!

Наступая коленями на полы халата, путаясь и едва не падая, Марья на четвереньках отползла к кровати. Сжалась в комок и оглядела комнату.

Бывшая комната свекрови. Здесь тоже много «черных пятен» – картины Марка на стенах, фотографии на тумбе и трюмо. Бельевой шкаф и кровать уже – свои. Их Марья поменяла через месяц после смерти Татьяны Игоревны...

Она бы поменяла все, но не решилась.

Марк продолжает приходить?..

Помогая себе подняться, опираясь на кровать трясущимися руками, Мария встала на ноги. Оглядела комнату.

Шкатулка на месте. Крышку вон! Колечко, серьги, две цепочки, ожерелье из речного жемчуга... Что еще могло понадобиться в этой квартире наркоману?!

Техника!

Уже совсем не замечая холода, в разъехавшемся от ползания на карачках халате Марья понеслась в студию. (Так, избавляясь от воспоминаний, она недавно стала называть их общую с Марком комнату-гостиную.) Подбежала к рабочему столу, распахнула дверцу тумбы – фотоаппарат на месте! Слава богу. И даже старенькая «мыльница» лежит тихонько в уголке. И две корбочки с использованными и новыми дисками и флешками.

Компьютер? Ноутбук?

На месте.

Деньги!!

Работая вольным стрелком, Марья часто получала гонорары в конвертах, налом, поскольку практически все бизнесмены в Российском государстве хоть чуть-чуть, но увиливает от налогов. Предпочитают не связываться с крупными агентствами, а договариваются со стрелками вроде Маши – таким не нужно оплачивать инфраструктуру, а только непосредственно работу. (Даже в кризис реклама была необходима многим – особенной популярностью пользовались затейливые плакатики с обещанием нереальных скидок.) Но кризис, как ни крути, все же – был. И доверять деньги на хранение банкам Марья мудро не решалась. Хранила их в «кубышке» или сразу тратила на технику, запас расходных материалов, джакузи, прочую радующую душу чепуху.

Конверт с деньгами был на месте: приклеен скотчем к задней стенке книжного шкафа.

Та-а-ак... Если Марк ничего не взял... то, может быть, как раз наоборот – подкинул еще какую-нибудь гадость?! Ведь пистолет-то он спрятал!

Из книжного шкафа на пол полетели книги. Из тумбы высыпались писчебумажные мелочи, блокноты, папки, скрепки, флешки, диски. Упала и разбилась фотографическая рамка...

С кожаного, цвета беж дивана улетели прочь расшитые подушки-думочки, Марья засунула руку в щель между подлокотником и сиденьем... Пальцы нащупали какой-то мягкий полиэтиленовый пакетик.

Маша выудила находку наружу... Небольшой, семь на десять пакетик с плотной защиткой поверху был заполнен снежно-белым порошком.

Уже понимая, *что именно* она обнаружила, едва смогла расщепить трясущимися руками плотно спаянные кончики, всунула внутрь палец и, вынув его уже измазанным в белом порошке, потеряла десну под верхней губой.

Десна онемела. Маша опустилась на диван и свесила руки между колен, слепо глядя на замусоренный пол.

Марк ей наврал. Последний раз он звонил сюда Восьмого марта, поздравлял с праздником и говорил, что больше не колется – лечится.

Наврал.

Это он пять дней назад убил Покрышкина. Застрелил своего «снабженца», украл у него наркотики, потом подбросил пистолет под полотенца – припрятал. Вместе с дозой про запас... Что странно.

«Или, – Марья кисло усмехнулась, – Покрышкин накопил так много товара, что за один раз Марк все не уволок? Или перестраховался, чтобы «передоза» не получить... Соорудил тайничок в диване, решил вернуться, когда край настанет...»

Сволочь! Сволочь!! Сволочь!! Татьяну Игоревну до инфаркта довел, теперь решил жену со свету сжить?!

Нет уж, дудки! Не выгорит!

В расхристанном, спадающем халате Марья понеслась к туалету. Включила свет, откинула крышку унитаза...

От входной двери болезненно и резко ударил звонок. Рука Марьи дрогнула, и часть белого порошка просыпалась на ободок унитаза...

Суетливо смахивая наркотик туалетным ершиком, Марья озиралась на входную дверь, хорошо видимую через длинный коридор, спешила – второй звонок почти совпал с зашумевшим сливом воды.

Господи, да кого же это черт принес!!

Ругаясь и завязывая поясок халата, Мария подбежала к входной двери, глянула в глазок...

В небольшом тамбуре, огороженном от общей площадки дверью с давно выломанным замком, топтались трое мужчин.

Один из них был в милицейской форме старшего лейтенанта.

Мужчины переговаривались и, кажется, не слышали, как в коридоре за дверью прошлепали ноги в мягких тапочках. Высокий крупный парень в кожаной куртке держал поднятую руку возле кнопочки звонка.

Марья отпрянула от глазка, прижалась спиной к стене и впервые в жизни, на собственном опыте поняла, что ноги могут перестать двигаться у самой здоровой женщины. Тяжело стало даже устоять прямо, опираясь спиной о стену. Короткое прерывистое дыхание не наполняло легкие кислородом, в пустой голове бессвязно плавали мысли...

Пистолет!

Крадучись вдоль стены, озираясь, Мария заскользила к спальне.

Пистолет!!

От двери грянул взрыв звонка.

– Минуточку! Я не одета! – хрипло крикнула Маша, ворвалась в комнату и, подхватив с пола пистолет, выскочила на балкон.

От пистолета надо избавляться. Если бы Мария сама принесла его в милицию, если бы ей дали время подумать...

Но здесь, сейчас, все будет выглядеть ужасно плохо. Марья не раз сталкивалась с покойным Стасом, весь дом слышал их перебранки, угрозы – не оставишь мужа в покое, Покрышкин, куплю на рынке пистолет и пристрелю как собаку! Сотни раз грозила, из года в год, из месяца в месяц...

По балкону гулял сквозняк и солнце, Марья согнулась над ограждением, глянула вниз: на дорожке перед подъездом, возле милицейской машины стоял водитель. Курил, поглядывая по сторонам и никуда не торопился.

Даже если изловчиться и постараться зашвырнуть пистолет подальше в кусты под окнами, шум сбиваемой листвы, шлепок падения железа о землю обязательно привлечет его внимание.

Отпрянув, Мария тихонечко взвыла.

Что делать, что делать, что делать?!

От двери, подгоняя, гремели звонки.

Внизу невозмутимо покуривал шофер.

Подскочив к крайнему раздвижному блоку балконного остекления – какое счастье, что, заказывая новые окна, Татьяна Игоревна предпочла не пластиковые, а раздвижные алюминиевые конструкции! – Марья отодвинула в сторону стекло. Высунула руку далеко вперед, неудобно, до боли согнула ее в локте и зашвырнула пистолет на балкон соседей Покрышкиных. Туда, где пять дней назад нашли застреленного Стаса.

Потом стремительно вернулась в комнату. Посмотрелась в зеркало и намотала на почти высохшую голову первое попавшееся полотенце.

– Иду, иду! Перестаньте звонить!

Проходя мимо туалета, еще раз спустила воду в унитазе и прямо рукой, без всякой былой брезгливости, обтерла ободок унитаза.

Спокойствие наступило так же внезапно, как и недавний приступ паники. Ошпаренные испугом нервы как будто загрубели не хуже полосок переваренного в кипятке кальмара. Лицевые мышцы натянулись на скулах до омертвления, и, когда Маша открыла входную дверь, немые губы едва прошевелились, выталкивая вопрос:

– Чему обязана?

Мужчина в кожаной куртке раскрыл коричневую дерматиновую папку:

– Мария Анатольевна Лютая?

– Она самая, – кивнула Маша, давно, но мысленно вернувшая себе девичью фамилию Ложкина.

– Старший оперуполномоченный Алтуфьев, – представился мужчина и показал удостоверение.

– Чему обязана? – негнувшись чужим голосом повторила Маша. – Старший оперуполномоченный...

– Позвольте войти? – начиная движение, протискиваясь в квартиру, спросил Алтуфьев.

– Пожалуйста, – посторонила Марья.

Этого мужика в кожанке она уже видела пять дней назад, когда в качестве понятой присутствовала в соседней квартире при осмотре места происшествия. Тогда же этот господин спрашивал ее и всех – не видали ли чего, товарищи? Не слышали ли выстрела?

– Бубенцов, – оглянувшись, сказал уполномоченный старлею, – обеспечь понятых.

Молодой симпатичный блондин в форменной тужурке кивнул и ушел из поля зрения. Третий из визитеров достал из кармана корочку:

– Следователь прокуратуры Лапин Анатолий Яковлевич.

Мужика звали так же, как и папу. И это неприятно резануло по уху. Марья отошла в глубь коридора и поморщилась.

– Я веду дело об убийстве вашего соседа Станислава Покрышкина, – продолжал тем временем папин тезка. – Где мы можем поговорить, Мария Анатольевна?

– Проходите в комнату, – монотонно проговорила Маша. Она казалась себе насквозь одревеневшей дубовой марионеткой, а не человеком, из которого, зацепившись за дуло пистолета, на соседний балкон перелетела бессмертная душа. Упала на какое-то вонючее наркоманское тряпье, скопившееся по углам балкона и, умирая, таяла под лучами майского солнца. – Проходите. Только у меня беспорядок.

– Что-то искали, Мария Анатольевна? – испытующе прищурился Алтуфьев, уже разглядывавший разгромленную комнату.

– Да. Важный документ, – бездушно и фальшиво подтвердила деревянная кукла.

– Нашли?

– Нет.

Папин тезка, не смущаясь, протопал по бардаку, раздвинул на письменном столе разбросанные мелочи, достал из папки бумажки и, пристроив их поверх папки, поглядел на хозяйку этого бедлама:

– Паспорт ваш можно, Мария Анатольевна?

– Да. Сейчас.

На негнущихся ногах Мария подошла к вороху документов на столе, одним пальцем расшвыряла верхние корочки и, подцепив паспорт, подвинула его к следователю.

Все – молча.

Застывший в центре комнаты Алтуфьев внимательно разглядывал обернутую в махровые банные одежды хозяйку и задумчиво то растягивал, то присобирал губы.

– Вы не ответили на мой вопрос, – догадалась, какой реакции от нее ждут, Марья. – Почему вы здесь?

Сказать по правде, даже этот простейший вопрос с трудом собрался в форму. Спокойствие оборачивалось убийственным равнодушием, позицией овцы, уже переступившей порог бойни. Если бы не пристальный, изучающий взгляд уполномоченного, Мария вообще упала бы на диван, закрыла лицо ладонями и замерла в ступоре – делайте что хотите, а меня оставьте.

Но так нельзя. Нельзя показывать испуг. Нужно быть уверенной, стать, заставить себя почувствовать уверенность, которой не было, и притвориться адекватной. Обиженной и негодующей. Пылко праведной и гневной.

В полном соответствии с фамилией Лютая Мария вздернула подбородок и скрестила руки на груди, убирая под мышки подрагивающие пальцы.

– Мария Анатольевна, нам поступил сигнал, – многозначительно и медленно потек голос из милицеских губ, – о том, что вы причастны к убийству гражданина Покрышкина...

– Я?! – перебивая, вскинулась Марья и ткнула себя пальцем в грудь с такой силой, что развязался и упал с головы на пол махровый тюрбан.

– Да, вы, – спокойно подтвердил оперативник. – Еще несколько дней назад, проводя опрос ваших соседей, мы слышали от них о ваших неприязненных отношениях с покойным. Вы, Мария Анатольевна, не один раз угрожали ему убийством.

Алтуфьев красноречиво задрал вверх брови – мол, что ответите, гражданочка? – и покоился на следователя – тезку батюшки, бодро заносившего данные гражданочки из паспорта в свои бумажки.

Марья выдавила из себя ухмылку:

– Ну. Предположим. Угрожала. Что дальше?

– А дальше вот что, – оторвался от писанины Лапин. – Получен сигнал о том, что вы не только убили гражданина Покрышкина, но и участвовали в распространении и сбыте наркотических средств.

– Что-о-о-о-о?! – Мария изогнула корпус, выпучилась на невозмутимого «тезку». – Вы что... товарищ-господин... с ума сошли?!

В комнату с важной напряженностью на лице заходили понятия: соседка по площадке баба Нюра и вездесущая, как пыль, стойкая, как ржавчина, сплетница Эльвира Генриховна.

Пожалуй, обе слышали из прихожей последние слова диалога, и лица их менялись. Баба Нюра с недоверчивой опаской покачивала головой; на юркой хомячьей мордочке Эльвиры Генриховны четко проступила готовность осуждать.

– Баба Нюра! – воскликнула хозяйка квартиры. —

Вы слышали, что он сказал?! Я помогала Стасу торговать наркотиками! – И развернулась к следователю:

– Так?! Гражданин начальник, я ничего не перепутала?! Я, Мария Анатольевна Ложкина – тьфу! Лютая! – участвовала в распространении наркотиков?!

Анатолий Яковлевич с усмешкой наблюдал за потугами и вертел в пальцах дешевую шариковую ручку – подобные концерты они с Алтуфьевым, поди, раз в сутки обязательно просматривали, – оперативник хмуρο разглядывал приседающую в негодовании подозреваемую.

– Вы соображаете, что говорите?!

– Соображаем, Мария Анатольевна, соображаем, – ядовито, но с оттенком грусти отозвался следователь.

Мария картинно развела руками:

– Нет, ну удивительное дело...

– Да это нам впору удивляться, гражданочка! – взвился Алтуфьев. – Раз восемь на квартире у Покрышкина обыска проводили – и ни одного грамма, ни одной галечки! А тут сигнал, понимаешь ли, – наркотики Станислав Валерьевич хранил в квартире рядом...

– Что?! – аж подпрыгнула Маша.

– Да, да, рядом! В вашей, Мария Анатольевна, квартире. Муж ведь ваш тоже наркотиками баловался, да?

– Баловался! Черт его подери!

– А вы с Покрышкиным его снабжали – у воды да не напиток... Стасик у вас товар хранил, за постой отстегивал...

Марии казалось, что каждое слово оперативника оставляет в груди пробоину размером с кулак. Скоро места живого не останется... Но тут в разговор с тихого покашливания вступила добрейшая баба Нюра:

– Кхм, что-то вы тут в самом деле того... Путаете.

Алтуфьев замер с поднятой вверх рукой, как сбитый на лету сокол. (Жаль, не шлепнулся.)

Баба Нюра продолжила:

– Маша со Стаськой воевала. Было дело. Но чтоб хранить... – покачала головой, – тут вы путаете.

Маша мужа к нему – боем! – не пускала.

Не приукрашивала соседка, правду говорила, бывало так, что Марья у мужа на пороге гирями в ногах висела. Оперативник посмотрел на следователя, тот поправил на носу очки без оправы и выдал:

– Бывает не такое. При людях дерутся, наедине прибыль делят... Уловки, господа, уловки. И кстати, Мария Анатольевна, покажите-ка ваши руки.

– А задницу для полноты впечатлений вам не показать? – спросила «лютая» хозяйка квартиры и демонстративно скрестила руки на груди.

Обыск тянулся нескончаемо долго. Только через полтора часа приехал занятой хмурый кинолог с веселой собакой, но за это время Марья успела отпроситься в туалет.

Санузел тогда обыскали. Прощупали каждую плитку пола, но соизволение дали.

Маша качественно, на совесть облила унитаз и участок пола, куда мог просыпаться героин – или кокаин? – санитарным гелем, смыла следы уборки водой, и бедная овчарка долго чихала, когда ей предложили обнюхать удобства.

Возле кожаного дивана пес сделал однозначную стойку.

– Да, – равнодушно кивнула Марья, – когда-то здесь у мужа был тайник. Он прятал от меня в диване наркотики.

Алтуфьев безрадостно принял информацию к сведению, следователь запротоколировал ответ, казалось, что этот кошмар никогда не кончится: чужие люди копошились в чистом и грязном белье, на кухне звякнула и разбилась чашка, собака Найда исследовала мокрым носом коробку рафинированного сахара...

Уходя из квартиры, батюшкин тезка извинился за причиненное беспокойство.

– Машенька, – со сладчайшей вредностью в голосе, косясь на следователя, пропела баба Нюра, – хочешь, я останусь, помогу убраться? Тебе здесь весь дом вверх тормашками перевернули...

– Спасибо, баба Нюра, – мучаясь от каждой лишней секунды присутствия в доме посторонних людей, отказалась Марья. – Я как-нибудь сама...

– Ну понимаю, понимаю, – напевно плеснула ядом соседка, – после *такого* на людей смотреть тошно будет...

В квартире наконец-то стало тихо. Марья добрела до разоренной аптечки, выщелкнула из обертки таблетку цитрамона, но принимать лекарство от головной боли вдруг раздумала. Достала из бара бокал и бутылку бренди и, совершенно не морщась, как воду, выпила приличную дозу.

«Боже, за что мне это?!»

Спутанные, высохшие без расчески волосы облепили голову перекрученными рыжими жгутами, и не было сил, желания или повода приводить себя в порядок, смотреться в зеркало. Разгромленной, грязной, затоптанной чужими ногами квартире было все равно, как выглядит ее хозяйка. Разбитая любимая чашка не вызвала даже секундного сожаления.

«Боже, за что мне это?! Почему Марк так поступил со мной? Чем, чем я заслужила?!»

Марья легла на постель поверх полосатого тигрового пледа, замоталась в него, как в кокон, и, подтянув ноги в животу, усталилась в затемненное верхушками берез окно.

Расплата. Возмездие за годы слепоты, неумного доверия и нежелания взглянуть на вещи трезво.

Такое случается в любящих семьях. Он врет и горделиво думает – провел! Он так доволен, так верит в собственную ложь, она... она все видит. Но так желает верить, что даже бровью не ведет, выслушивая байки: как страус прячет голову в песок, забивает им глаза и уши и молит, чтобы каждое, любое слово, запорошенное песком, вдруг стало – правдой.

Марья слишком поздно начала скандалить. Терпеть не выносила выяснения отношений, не поджидала у дверей, не всматривалась в остекленевшие зрачки, не добивалась, не хотела... Опоздала.

Теперь расплывается.

Когда-то давно молоденькая провинциалка приехала поступать в Строгановское. (А куда еще податься амбициозной деве с дипломом местечкового художественного училища? Конечно, в Строгановку, конечно, в центр...)

И конечно, провалилась.

Но прежде, гуляя между вступительными экзаменами по коридорам МХСУ, встретила ХУДОЖНИКА. Марк заглянул случайно в альма-матер, невнимательно познакомился с рыжеволосой абитуриенткой и сделал ей почти внимательный дежурный комплимент:

– Натура Тициана. Позировать не пробовали?

И Маша Ложкина влюбилась насмерть.

Нет, даже не влюбилась. Она *воткнулась* в Марка со всего размаха и, как гвоздь, вбитый в древесину подрастающего дуба, обросла его плотью, его сущностью по самую шляпку. И уходила вглубь, и застревала навсегда.

Иногда она себя сравнивала даже с глупой занозой, воткнувшейся в ладонь умелого хирурга. Тогда она могла только надеяться: извлечет ее Марк из своего нутра – совершенно безболезненная для пациента хирургическая операция – или позволит остаться? Любое решение оставалось только за Марком. Великим и ужасным до страха, до дрожи – гениальным.

Куда все делось?

Гению простительны слабости, с натяжкой позволено безволие, но отсутствие работоспособности – губительно абсолютно, поскольку есть ничто. Ничто не выходит из-под кисти, ничто не висит в галереях, пустое место невозможно ни представить, ни продать. Как пустоту.

И тогда по все законам вакуума гения заполняют нитье, водка и героин.

Будь проклят Стас Покрышкин! Друг детства, лукавый искуситель – сволочь!

Вначале неопытная провинциальная невеста не обращала внимания – покуривают парни легкие наркотики. Мажут носы кокаином.

Столица – так живет?

Возможно. Возможно, так живет. Богема, полуночные разговоры о прекрасном, вязь из красивых слов, из выпуклых фамилий, терминов – Марья, ты обеспечь закусточку полегче. Маш, сбегай в магазин. Машуля, ты на работу собираешься устраиваться?

Потом неудача с выставкой. Потом марихуану заменил героин.

«Когда я сделала ошибку?!»

Когда стала наказывать мужа невниманием, вместо того чтобы драться?

Нет. В то время было уже поздно. Марк отстранился первым. Ушел куда-то в свои наркотические миры еще задолго до обиженного молчания Марьи. Его не задевало даже полное отсутствие самого примитивного супружеского секса. Он вовсе не заметил, что Марья после смерти Татьяны Игоревны перебралась спать в ее комнату...

А потом совсем ушел.

Собрал в одночасье вещи и, пока Маша была на работе – исчез. Даже адреса, контакта не оставил.

Да Марья, по сути дела, его и не искала. По времени уход мужа совпал с увольнением из рекламного агентства...

И вот сейчас – вернулся. Не к ней, а только для того, чтобы застрелить бывшего одноклассника и подбросить бывшей (только де-факто) жене «горячее» оружие.

Марк отомстил Покрышкину? Или целенаправленно явился – обокрасть? Он знал, где старый приятель держит наркотики, выгреб все заначки, а часть оставил в диване про черный день?

Хотя... Пожалуй, нет. Покрышкин хитрый гад, много дури в доме никогда не держит... Не держал... Всегда успевал небольшой запасец смыть в туалет, пока милиция с обыском в железную дверь колотилась...

И с чего это Марк оставил в диване наркотики – непонятно... Он все задумал из-за них. Или – первично убийство?

А пистолет? Зачем Марк спрятал пистолет?! Почему не выбросил его, например, в помойный ящик или канализационный люк?!

Он – принял дозу? «Поплыл»?.. И стало лень таскать в кармане ствол?

Может быть, оружие он взял у кого-то на время и его надо было отдавать? Затем Марк спрятал пистолет под полотенцами? Хотел вернуться? Наркоманы славятся необъяснимыми поступками...

Господи, дай силы не сойти с ума!

Бесконечные мысли согрели не только голову, но и все тело, Марья выпросталась из пледа, встала с кровати и вышла на балкон.

Уже совсем жаркое майское солнце сползло за крышу дома напротив. Во дворе занята каждая лавочка, пенсионерки греют косточки и смотрят на шумных, готовых к каникулам детей.

Скоро лето. Любимая пора.

Кошмар. Придется ждать ночи и лезть за пистолетом через ограждение балконов.

Или не лезть? Дождаться, пока придет мама Ста-са, и попроситься в гости? Сказать, что, например, трусы на их балкон ветром забросило?

Но когда придет тетя Света? В этой квартире она три года уже появляется редко. Переехала к сестре в Тушино, махнула на сына рукой...

(А ведь прежде даже словечка дурного по адресу Стаса не позволяла. Тоже – верила. Любила.)

А когда, приехав домой пять дней назад, увидела в комнате мертвого сына, чуть Богу душу не отдала... После похорон закрыла квартиру на все запоры и сказала – буду продавать... Воспоминаний много, а «черные дыры» она, судя по всему, развешивать по стенам не умеет...

Эх, надо было ей Стасика еще в школе как сидорову козу пороть! Марк говорил, Покрышкин с восьмого класса начал коробки с дурью таскать.

Сволочь!

Марья составила расписание на ближайшее время: уборка квартиры, короткий сон, физические упражнения по преодолению балконных барьеров. Заставила себя причесаться и съесть пару бутербродов и взялась приводить жилище в божеский вид.

До поздней ночи под окнами галдели готовые к каникулам подростки. До первых петухов на лавочке возле подъезда обнималась парочка. Мария плюнула на бдение и физические упражнения, перенесла операцию на следующую ночь и, отключив будильник, завалилась спать.

Беспечная и усталая, она не могла знать, что завтра утром бабулька из дома напротив выйдет погреться на солнышке, поболтает с соседками и услышит рассказ о том, как вчера днем в высотном доме опять была милиция с обыском. На той же лестничной площадке, где недавно застрелили высокого худого парня. Что страдает эта бабулька дальновзоркостью и хорошей памятью, что вспомнит она, как видела вчера рыжеволосую девушку, перебрасывающую что-то со своего балкона на соседний: картина приметная получилась, бабушка еще хотела

сходить к подружке в этот дом, спросить – чего это у вас соседи друг дружке всякую дрянь подбрасывают? Не было бы беды, не случился бы пожар...

Сопоставит все это пенсионерка, сходит домой пообедать и после, надев выходное платье, отправится в милицию.

Конечно, Марья ничего не знала. Засыпая, она баюкала себя успокоительной мыслью: «А все же хорошо, что я так вовремя сориентировалась. Если бы после получения «сигнала» у меня нашли пистолет и наркотики, засыпала бы сейчас в тюремной камере на нарах. При подобном стечении обстоятельств и наличии мотива никто и разбираться бы особенно не стал. Засунули бы в камеру и заперли надолго.

Но какая же все-таки гадина сообщила о наркотиках и пистолете в доме?! – терзало, разрывая сон, недоумение. – Кто обвинил, кто оболгал?!

Неужто Марк?..

Не думать, не думать, не думать... Это кто-то из друзей Покрышкина решил немного «подшутить»... Мало ли придурков на свете? Я им часто «малину» обрубала...

Все это совпадение, совпадение, совпадение. Марк так не мог. Оставить пистолет в квартире – пожалуй, но сообщить в милицию?!

За что?!»

Часть первая

Глава 1

Участковый уполномоченный Алексей Андреевич Бубенцов торопливо доедал вторую тарелку любимого щавелевого супа. Плюс к щавелю в тарелке плавали листья молодой крапивы, щедро накрошенные вареные яйца, брусочки молодой картошки и две ложки сметаны; Бубенцов поглядел, как жена Анастасия выставляет на стол перед ним тарелку макарон по-флотски, и предупредительно помотал рукой с зажатым в ней ломтем черного хлеба.

– У-у, – произнес, не прекращая жевать.

– Сыру потереть? – догадалась Настя.

– Угу, – кивнул голодный муж. Настасья уже собралась отправиться на кухню, но была остановлена тетушкой.

– Останься, посиди с Алешей, я сама сыр на тру, – сказала Софья Тихоновна и проворно унеслась из столовой.

Женатый только четыре месяца старший лейтенант еще не успел привыкнуть к такой роскоши, как несколько ухаживающих женщин. Три дамы – Настя, тетя жены Софья Тихоновна и соседка, почти родственница баба Надя – наперебой старались угостить кормильца.

(Хотя, по сути дела, никаким «кормильцем» в этом доме Бубенцов не был. Ему повезло жениться на внезапно разбогатевшей наследнице, тетушки тоже особенно не бедствовали – баба Надя свое богатство из другого, но схожего источника приобрела, – и благородно принимаемая до копейки зарплата участкового никакого «кормительного» эффекта здесь не имела.)

Но все-таки. Пришел мужик с работы – все хлопочут. Все накрывают стол в гостиной, наперебой таскают закуски, подкладывают макароны и подливают в кружку молока.)

Надежда Прохоровна в тот день особенно не суетилась. Подперев кулаком щеку, сидела напротив и смотрела на опустошающую тарелку за тарелкой старшего лейтенанта. И было во взгляде бабы Нади столько удовольствия от вида жующего мужчины, что взгляд нисколько не смущал, не досаждал жующему мужчине.

– Что ж они тебя никак в покое не оставят, Алеша? – сердобольно поинтересовалась соседка – поч ти родственница. – Ты ж в отпуске с понедельника!

Что, без тебя никак не обойтись?

Слова эти, как и взгляд, легли на сердце жующего мужчины бальзамом – заботятся, жалеют работягу. (Попутно же интересуются, застольной беседой развлекают.)

– Да там такое было, баба Надя, – вздохнул «кормилец» и сыто посмотрел на наколотую вилкой макаронину. – Сначала скинхеды разгромили закусочную у рынка...

– Какую это? – оживилась крановщица на пенсии и вечная народная дружинница Надежда Прохоровна Губкина.

– А эту... – участковый мотнул головой в сторону окна, – с красными дверями, по дороге к метро...

– Эту?! – с готовностью поразились баба Надя.

– Ага. Налетели всей бандой, столы покрушили, стойку опрокинули. Но не это главное. – Алеша выдержал театральную паузу, установив вилку, как восклицательный знак. – У Дулина сегодня подозреваемая в убийстве из кабинета сбежала.

– У Дулина?! – то ли восхитилась, то ли возмутилась баба Надя. – У капитана?!

– Уже – майора. – Вилка опустилась, поставив точку. – И конкретно даже не у него, а у Алтуфьева. Но, – старлей снова просигнализировал столовым прибором, – Дулин старший, и кабинеты у них смежные.

– Вот это да, – пробормотала крановщица-дружинница. – Как же это она умудрилась-то?
– А просто, – ухмыльнулся участковый. – Пока наряды скинхедов в обезьянник загружали, она и улизнула. Прошла, как сквозь воду. Никто даже внимания не обратил.

– А Дулин где был?! Алтуфьев этот?!

Возле обеденного стола уже собрались все женщины семейства, Настасья приглядывалась к тарелке – не пора ли убирать? Софья Тихоновна накрывала салфеточкой нарезанный хлеб – скоро с работы вернется ее муж Вадим Арнольдович, и желательно бородинский не подсушить.

Бубенцов запил флотские макароны магазинным молоком, откинулся на спинку стула и, чувствуя всеобщее внимание, ответил с сытым великодушием:

– Да там такое было – сумасшедший дом. Патрули скинхедов как следует не обыскали, у одного нож за голенищем ботинка оказался. Привезли их, значит, всем колхозом, таджиков побитых без регистрации из закуской повыгребли... Стали по обезьянникам рас пихивать, а тот, что с ножом, выхватил перо и давай на одного из... мгм, гостей столицы.

– Дурной совсем? – справедливо поинтересовалась баба Надя. – В участке ножом размахивать...

– Обкуренный, – пожал плечами участковый.

– Никого не порезал?

– Не, скрутили. Но пока опомнились, остальные братки зашевелились... В общем, кавардак был, я вам скажу-у-у... Вселенский! Таджики визжат, скинхеды орут, наши тоже... горло драли будь здоров... Ну, эта Маша Лютая ноги под шумок и сделала.

– Лютая? Почему лютая? – удивилась скромная бывшая библиотечка Софья Тихоновна, не так, к слову сказать, любившая смотреть по телевизору сериалы про ментов. «Менты», «Опера» и «Разбитые фонари» были исключительной епархией Надежды Прохоровны и молодого мужа племянницы.

– Фамилия у нее такая, – усмехнулся старший лейтенант. – Мария Лютая.

– Бывает же, – покрутила головой баба Надя. – Убийца – Лютая.

– И ловкая, – добавил Алексей. – Алтуфьев из кабинета на пять минут вышел, когда крики начались. Помог главного зачинщика скрутить...

– Разыщите? – спросила основная любительница криминальных разговоров. – Убийцу-то эту...

– А куда она денется? Разыщем обязательно. Документов и денег у нее нет, сама иногородняя, приметная – волосы рыжие, как проволока кучерявые. Такую в любой толпе не пропустят. Дело времени.

– А кого она убила?

– Наркодилера, – посуровев, ответил Бубенцов.

– Наркоманка?

– Нет. Муж у нее вроде наркоманом был.

– Отомстила, значит? – с внезапной проникновенностью проговорила баба Надя.

– Не знаю, не знаю, – многозначительно протянул участковый. – Девочка хитрая. Я на обыске был, держалась как партизан. Прежде чем дверь открыть, успела ствол на соседний балкон перекинуть.

– Господи, так тебя еще и на обыск таскали! – возмутилась бабушка Губкина.

– А что делать, – вздохнул «кормилец». – Отпуск не отпуск, участок мой, работать надо. – И обернулся к жене: – Насть, мы на поезд не опоздаем?

– Нет, – спокойно ответила жена, а баба Надя привычно пробурчала:

– Успеешь тут с такой работой, в отпуск человеку не дадут уехать...

– Ничего не поделаешь, – глубокомысленно сказал лейтенант, нагнулся под стол и вынул оттуда упирающегося большого рыжего кота: – Давай прощаться, друг Аврелий. Останешься тут за главного, присматривай за хозяйками, мышей лови.

– Типун тебе на язык, – отмахнулась Надежда Прохоровна, – мышей нам только плюс к ремонту не хватало.

Софья Тихоновна подошла к Алеше, взяла из его рук котика и, пристраивая его лапами на грудь, проворковала:

– Скоро, Маркуша, – полное имя кота звучало Марк Аврелий и подразумевало собой стоический характер животного, – поедем за город, к Роме, там на воле мышек мно-о-ого...

Алексей поднялся из-за стола, обвел хозяйским взглядом практически не готовую к ремонту гостиную, хотел дать какие-то ценные рекомендации относительно предстоящего события, но передумал. Отвесил тетушкам шутовской поклон и пошел в прихожую, где у зеркала, среди чемоданов, жена Настасья наводила последний марафет.

Выезжать на вокзал по улицам, заткнутым плотными километровыми пробками, всегда следует загодя. А с чемоданами и торбами по метро таскаться неудобно...

Усадив племянницу с мужем в такси, сто раз перепроверив, не оставили ли уезжающие билеты, документы, пакет с дорожной провизией, чемоданы и головы, Софья Тихоновна не задержалась на улице вместе с Надеждой Прохоровной и соседками-кумушками, а вернулась в дом.

Вернулась и тут же пожалела. Пустая квартира еще пахла Настинными духами, на столе в гостиной еще стояли чашки; остающимся всегда тяжелее, чем уезжающим. У тех дорога, бездна впечатлений и праздничный настрой – Настасья впервые везла мужа в родную Пермь на свадьбу школьной подруги. У Софьи Тихоновны сиротливые крошки на столе, остывший чай и сожаление, что не она сейчас устроится в купе перед окном, разложит на столе традиционный дорожный набор из жареной курицы, вареных яиц, мытых огурцов, конфеток-печенюшек и будет перекусывать, несмотря на то что плотно пообедала перед дорогой.

Так принято – уселся в поезд, доставай провизию. В каждом купе шуршат пакеты и хрустят яичные скорлупки, поезд пахнет колбасой и жареной курицей, любезные попутчики угощают друг друга практически одинаковой снедью...

Софья Тихоновна навела порядок в гостиной и пошла на кухню проверить, достаточно ли флотских макарон для возвращающегося с работы мужа.

Мужа... Вадима... Арнольдовича... Все это продолжало звучать непривычно. Иногда, думая о Вадиме, Софьюшка все еще краснела... Она – замужняя дама. Профессорская жена.

Кто бы мог подумать об этом еще полгода назад?!

К щекам, как у неопытной школьницы, опять прихлынула кровь... Они жили в одной квартире не один десяток лет. Встречались на кухне, в прихожей, сталкивались у дверей...

И везде, как тень за спиной, – Клавдия. Старшая сестра, домоправительница, не выносившая мужчин, не отвечающих на ругань, не принимающих упреки, недостижимых... Плевком в подобных не попасть.

Никто из соседей по коммунальной квартире даже представить не мог, что странноватый Арнольдович, гуляющий в самый трескучий мороз по улицам в одной рубашке – тьфу, йог на нашу голову! – ученый с мировым именем. В уме Клавдии никак не получалось соотнести: чудной молодежный хвостик из седоватых волос, невнимательность к скандалам и ученые степени. «Наш малахольный, чудик, морж придурочный» – иных эпитетов у Клавы для соседа не было. Ну не укладывалось в уме у простой скандальной бабы, что какой-то *ученый* может жить в коммунальной квартире, ходить с тобой в один сортир, иметь наглость забывать оплачивать счета за электроэнергию!

А Вадик жил. Много лет назад оставил большую квартиру бывшей жене и поселился в коммуналке, управляемой сварливой Клавой...

Н-да, много было... О некотором даже вспоминать не хочется...

Но пустая квартира тем и отличается – стоит только людям разойтись, из старых стен выползают призраки, воспоминания... Фотографический портрет молоденькой Клавдии, мама и папа в серебряной рамочке, погибшие, умершие, живые перемешались на стенах и в памяти... После появления здесь Настеньки и Алеши квартира как бы перестала быть коммуналкой и теперь протестовала: уехали отсюда новички – тоска, взрыв памяти.

Но все пустое. Нечего морочить голову былым. Сейчас мы все – семья. Большая дружная семья из бывших соседей и присоединившейся молодежи¹.

Кто бы мог подумать, что так оживет старая коммуналка?! Ведь Софья уже смирилась с мыслью, что будут они век коротать втроем: две вдовы Клава и Надя да она, тихая библиотекарская мышь с воспоминаниями о двух некачественных романах.

Но вот – к ремонту готовятся. На два месяца за город переезжают, пускай молдавская бригада спокойно трудится... Вадим будет наезжать из университета с инспекцией, приглядывать, пока они прохлаждаются с Надеждой и Маркушей за городом, на свежем воздухе в гостях у племянника мужа Романа. Алеша с Настенькой вернутся из отпуска и будут заходить после работы. Поживут пока у Лешинной мамы, а проверять тут тоже будут...

За городом хорошо... Деревья, свежий воздух, Марк Аврелий хоть немного по травке походит...

Так. Маркуша. Давно что-то не попадался на глаза.

Где Аврелий?!

Размышляя о былом, Софья Тихоновна уже битый час занимала себя всевозможными спасительными от печалей делами: помыла посуду, сварила еще немного макарон, протерла пол на кухне и раза три хлопнула дверцей холодильника.

Обычно стоит только хлопнуть дверцей холодильника – Аврелий тут как тут. Сидит и щурится – меня хозяйка не забыла угостить?

Но тут – пропал.

Софья Тихоновна взяла с кухонной полочки коробку с сухим кормом. Потрясла. Погрела кошачьими «сухарями».

Аврелий не явился.

Плохо дело.

Котишка трус, его, замерзающего, под дождем принес в их дом Алеша, подобрав у мусорных бачков. И кот, так хорошо запомнивший, как плохо живет котяткам на улице, улицы этой боялся до жути. Максимум, на что хватало его вольностей, так это прошмыгнуть в подъезд, забиться там в какой-нибудь темный угол и благоразумно ждать, пока опомнившиеся хозяйки заберут его, бедного, обратно в теплый дом после невероятной, опаснейшей «прогулки».

И скорее всего, прошмыгнул Аврелий в момент, когда часа полтора назад на улицу к такси сносили чемоданы.

Бедный котик!

Софья Тихоновна стремительно поменяла домашние туфли на уличную обувь, выбежала в подъезд:

– Маркуша, Маркуша, кис-кис-кис!

Но бесполезно. Трусливый кот опять забился где то в угол, сидел и трясся. Ждал. За уши оттрепать негодника! Не хватает храбрости гулять по улице – сиди дома у теплой плиты, грей шкурку!

Софья Тихоновна спустилась со второго этажа, проверила, не спрятался ли Аврелий у входной двери, и, не найдя кота, стала медленно подниматься выше.

– Маркуша, кис-кис-кис!

¹ С приключениями двух бравых пенсионерок читатель может ознакомиться в детективе «Мисс Марпл из коммуналки».

Второй этаж, третий, четвертый... На площадке между пятым этажом и лестницей на чердак, на подоконнике большого полукруглого окна сидела рыжая девица в голубых джинсах и яркой полосатой кофточке. Сидела, с ногами забравшись на широкий подоконник, и испуганно смотрела на медленно поднимающуюся Софью Тихоновну. Возле ее ступней, так же наблюдая за хозяйкой, сидел вовсе не испуганный Аврелий. В глазах кота стоял вопрос: «Ну? Чего так долго? Я жду тут, жду. Компанию уже нашел...»

– Аврелий, – укоризненно сказала Софья Тихоновна, подходя. – Марк...

Кот широко разинул розовую пасть, зевнул, смешно оттянув назад усы и уши, и с места не двинулся.

Странно. Марк Аврелий на дух не выносил чужаков, обычно прятался под мебель, едва в квартире появлялись новые люди.

– Аврелий, – повторила хозяйка.

Кот сделал вид, что ничего не понял, отвернулся к окну и посмотрел на вольно порхающих за стеклом голубей.

Бывает же такое! Совсем от рук отбился!

– Это ваш котик? – не зная, как себя вести, хрипло спросила девушка.

– Мой, – твердо сказала Софья Тихоновна и подхватила сопротивляющегося негодника с подоконника. – Вы здесь кого-то ждете? – прищурилась на девушку.

– Да, – смутилась та. – Лена Синельникова здесь живет?

– Здесь.

– А вы не знаете...

– Лена на все лето уехала на дачу, – не дожидаясь окончания вопроса, сказала Софья Тихоновна, повернулась спиной к девушке и направилась к ступенькам лестницы.

– Подождите! – окликнула вдруг чужая гостья, спрыгнула с подоконника. – Простите, пожалуйста, вы не могли бы принести мне ножницы! Ненадолго! И косынку, пожалуйста... Я все верну! Любую косынку или платок! Пожалуйста...

Софья Тихоновна, прижимая к себе кота, медленно развернулась. «Рыжая девчонка, приметная, в толпе такую не пропустят... – внезапно вспомнились слова Алеши. – *Убийца*».

Широко открытые ярко-зеленые глаза девушки с мольбой смотрели на хозяйку доброго кота, составившего компанию беглянке. Перепутанные рыжие волосы, сплошь состоящие из мелких тугих кудряшек (такие, наверное, не каждая расческа возьмет), окружали голову наподобие шапки, прямой точеный носик с как будто прозрачными раздувающимися ноздрями, и полное отсутствие веснушек, что редко встретишь у рыжеволосых. На чудесно ровной матовой коже с яркими шлепками румянца на скулах ни единого пятнышка.

«Красивая, – подумала Софья Тихоновна. – И не девчонка. Уже под тридцать будет».

Убийца судорожно стискивала белые кулачки висящих вдоль тела рук, она вся вытянулась, словно готовая порваться тетива...

– Пожалуйста, – вновь повторила Маша Лютая.

А Марк Аврелий, упираясь всеми лапами в хозяйку грудь, потянулся к рыжей беглянке.

«Странно. Очень странно. Аврелий чувствует людей, к плохому в жизни не пойдет...»

Кот изогнулся так, что чуть не упал на каменный пол, девушка быстро подставила руки.

– Пойдемте, – внезапно решила Софья Тихоновна.

– Куда? – Преступница испуганно отпрянула.

– Пойдемте. Я живу на втором этаже, там дам вам платок и ножницы.

Капитан Алтуфьев пришел к Марье в три часа дня. Стоял в тамбуре за дверью со сломанным замком и держал на весу прозрачный пакет с черным пистолетом внутри. За его спи-

ной, буравя Машу взглядом, возвышался незнакомый парень с прилизанной челкой и алыми прыщиками на скулах.

Алтуфьев красноречиво покачал перед замершей на пороге своей квартиры Марьей пакетом и сказал просто:

– Здравствуйте, Мария Анатольевна. Мы за вами, собирайтесь.

Мария молча кивнула и сделала шаг назад, сразу проваливаясь в какую-то изломанную жуткую реальность, где не было нормальных звуков, где исчезало время, а люди превращались в тени. Все словно стерлось, краски дня размылись, продолговато вытянутые слова стянули, спеленали тело прозрачными плотными простынями. Мария рухнула в безвременье, пропала, потерялась. Как пуговица. Что упала за подкладку старого пальто и завалилась в пыльный измачанный угол.

И очнулась, пожалуй, только через час в милицейском кабинете, прокуренном до синевы несколькими мужчинами.

Мужчины эти почти сразу вышли, и Мария осталась наедине с Алтуфьевым, тремя письменными столами, двумя сейфами, большим шкафом и портретами двух президентов. На подоконнике, возле пыльного остролистого цветка стоял графин. Через графин, изламываясь на гранях, просвечивала свобода: дворовая листва, кусочек крыши соседнего дома, в котором жили нормальные, не изломанные безвременьем люди.

Алтуфьев привольно расположился за столом, перебрал какие-то бумажки.

– Нуте-с, приступим, Мария Анатольевна? Анатолий Яковлевич подъедет чуть позже...

Мария согнулась над сомкнутыми коленями, сгорбилась, поджимая живот руками.

– Вам плохо?

Сочувствия в голосе уполномоченного не прозвучало вовсе. Только деловитая озабоченность и нежелание отвлекаться.

Марья с удовольствием упала бы на пол, закрыла лицо руками и притворилась мертвой. И сил такое притворство заняло бы совсем чуть-чуть: она, кажется, умерла еще час назад, когда увидела в тамбуре перед дверью мужчину с пистолетом в пакете.

– Всем стоять! Стволы на землю! Порежу!

Истерический визгливый вопль ворвался в кабинет через неплотно прикрытую дверь. Рука Алтуфьева замерла над раскрытым протоколом...

– Стоять всем, суки! Порежу!!

Как будто даже не разгибая коленей, Алтуфьев снялся со стула и, крадучись, вприсядку подбежал к двери – выглянул в коридор.

– Не двигайся, – тихонько приказал Марии и, прижимаясь к косяку, выскользнул наружу.

Маша расцепила руки, обнимающие живот, выпрямилась.

– Стоять, суки! Кто дернется, порежу!

Время, еще недавно тошнотворно тянувшееся липкой ириской, вдруг поскакало в ускоренном ритме. Его подстегивали крики, хлестали кнутом угрозы, секунды били в уши копытным сумасшедшим топотом.

Где-то там, на первом этаже за поворотом – откуда недавно провели в этот кабинет Марью, – раздался грохот, и десятки разъяренных мужских глоток выпустили в воздух ругательства.

Маша встала со стула, спокойно подошла к двери и, совершенно ничего не боясь, не прячась, пошла на крики.

В большом квадратном помещении без окон сцепились десятка полтора мужчин. На здоровенном бритоголовом бугае повисло несколько милиционеров, бугай не хуже разозленного медведя, что крутится, стряхивая с себя охотничьих собак, вращался в центре этого бардака, с него, как с мускулистой медвежьей карусели, во все стороны слетали милиционеры. Болтали в воздухе ножками и непотребно выражались.

В угол забился щуплый окровавленный азиат. Почему-то у него не хватило сообразительности поджать под себя вытянутые ноги, и об эти ноги постоянно кто-то спотыкался, отчего азиат повизгивал и брызгал вокруг кровавой слюной. Рядом с его ботинками крутилась мускулистая карусель, и милиционеры, спотыкаясь, валились вниз, как кегли.

Капитан Алтуфьев спиной к Марье сидел на опрокинутом мордой в пол амбале. Амбал плевался ругательствами, сучил конечностями и пытался вырвать из цепких капитанских рук татуированные запястья, на которые уполномоченный насаживал железные браслеты.

Маша спокойно прошла между «каруселью» и милиционером, облапившим со спины какого-то лы сого верзилу. Постаралась не споткнуться о ноги тихонько повизгивающего азиата. На долю секунды бросила взгляд на пыхтящего поверх амбала капитана и вышла улицу, едва не попав под взлетающую на крыльцо стаю в синих форменных рубашках.

Подмога добавила в здании переполоха. Крики понеслись гуще. Но затихли, едва Маша повернула за угол.

Хорошая погода последнего майского дня омыла тело теплым воздухом, освободила глаза и уши от остатков пелены безвременья, Маша все устойчивей ковыляла по тротуару, все дальше, дальше... К свободе – ближе.

По переулку неслись машины, Мария подошла к кромке тротуара, вытянула вперед руку, собираясь остановить такси или частника...

«Быстрее, быстрее!» – колотилась в голове единственная мысль. Пока Мария действовала как бы на автомате, на рефлексх загнанного в ловушку зверя. Ей в спину не дышала, но чувствовалась погоня.

И постепенно путь побега определился в форму, уже проскальзывала четкая спасительная нить – остановить машину, упасть на заднее сиденье, назвать любой из адресов друзей – уехать.

Нет денег? Ерунда. Попросит шофера обождать у подъезда и вынесет оплату за проезд.

По улице, вращая мигалкой, неся милицейский газик. Мария тут же опустила руку, повесила ее вдоль тела и медленно, ожидая визга тормозов и окрика, побрела вдоль проезжей части.

Прочь! Прочь!

Она шагала по тротуару и каждой порой шкуры беглеца чувствовала на себе реальные и выдуманные взгляды. Казалось, за беглянкой неотвязно тащится шлейф запаха загнанного зверя и страха, и это зловоние ощущает вся улица. Бабулька, только что прошедшая рядом, сейчас оглянется, прищурится, запомнит странно напряженную спину. Мужчина с сигаретой в зубах, проходя мимо, скользнул недовольным – запоминающим! – взглядом.

Что скажут пареньки у пивного ларька, когда капитан Алтуфьев бросится в погоню и нащупает след?

Да, проходила тут недавно, ответят парни. Все, каждый видел и запомнит рыжеволосую девушку, бредущую на негнущихся ногах.

Мужчина на остановке автобуса так ответит, молодая мамаша, торопливо везущая коляску с ребенком, старушки, пацаны, коты и голуби...

Бред, паранойя. Но сил выносить даже самый пустой взгляд – нет. Мария шагнула с тротуара в кусты, разгребая ветки руками, подошла вплотную к какому-то дому и побрела под его окнами.

Свернула во двор. Откуда-то издалека, набирая громкость, спешили на выручку своим машины милицейских патрулей. Марья пробежала по двору, юркнула за выступающий угол кирпичного короба над лестницей в подвал и отдышалась – никто не видит. Алтуфьев, наверное, только-только начал раздавать патрулям указания и приметы – *сбежавшей преступницы*.

«Что я наделала?! Зачем, зачем?!»

Нет, Маша, успокойся. Ты все сделала правильно».

Из тюремной камеры Марка не найти (его адреса не даст милиционерам ни один друг), невозможно привлечь его к ответу. У капитана Алтуфьева таких подозреваемых, как Марк и Маша, пруд пруди. Ему нет дела разбираться, кто тут кого подставил, кто лжет... А Марья у себя – одна. Ей на себя времени не жалко. Так что иди, ищи Марка, добивайся от него правды и за шкирку волоки в участок...

Мимо застывшей в углу Марьи прошла пожилая женщина с мусорным ведром, покосилась на беглянку...

Надо уходить. Скоро в этом дворе могут появиться ищейки.

Марья пригладила трясущимися руками непослушные, торчащие во все стороны кудри, одернула кофточку и, боясь оступиться, чувствуя, как проскальзывают, подворачиваются влажные ступни в ставших вдруг огромными туфлях, побрела дальше. К старинному пятиэтажному дому, к единственному подъезду, код чьего замка на двери она знала наверняка. Там, на последнем этаже живет одноклассница Марка, добрая вечно занятая Елена, мать двоих детей и знатная повариха. Она наверняка в дневное время будет дома, а если что – на двери не домофон, а кодовый замок, можно попасть в подъезд и отсидеться, подождать.

Елена в просьбе не откажет. Не будет спрашивать. Ее голова занята пеленками, отпрысками, манной кашей и простудами. Ленка даст ножницы и косынку, а может быть, сумеет подобрать из старых вещей – после родов она поправилась килограммов на двадцать – какую-нибудь неброскую одежду.

За дверью Лены не затыкала на дверной звонок собака Муха. И не протопали шаги.

Марья не стала торчать перед дверью на лестничной площадке, поднялась чуть выше и села на широкий подоконник большого полукруглого окна. Возможно, Лена вышла прогулять собаку, возможно, отправилась в магазин или на детскую площадку. Ее второму малышу недавно исполнился годик, она не может уходить надолго...

Надо подождать, решила Марья. Только подождать.

Идти все равно некуда.

И поздно. Момент для бегства в метро упущен, по улицам уже разъезжают патрули с ее описанием, а возвращаться в свой дом нельзя. Все верные друзья живут в других районах.

Поздно.

Внизу под окнами гуляли дети. Сидели на лавочках старушки и молодые мамы. Черный кот стлался по траве, подкрадываясь к голубиной стае. Марье казалось, что она смотрит на мир уже из заключения. Что пахнувший чужими обедами и кошками подъезд уже немного камера. Подъезд как камера – холодный, каменный, бесприютный, здесь не живут – пережидают, а лестницы – этапы.

Когда-то давно Мария жила в похожем доме. В гарнизоне, куда перевели папу, среди унылых серых пятиэтажек стоял столпом могучий дом сталинской эпохи. С эркерами, башенками и колоннами, его называли генеральским, хотя ни одного генерала в нем давно не было. Дом требовал капремонта, с высоченных потолков в подъездах пластами валилась штукатурка, узкая, словно пенал, комната, куда заселили молодого старшего лейтенанта с женой и дочерью, обрадовала только Машу. В той комнате было ОКНО. Большое-пребольшое, такое, что даже папа не доставал до верхнего наличника, вставая на подоконник.

Зимой из этого ОКНА невероятно дуло, от сквозняков не спасали широкие полоски бумаги и клочки ваты, которыми мама забивала щели. Но двор – похожий на этот – был словно на ладони. Маленькая Маша целый день могла просидеть на подоконнике (если, конечно, не отводили в садик) и свысока взирать на мир, полный голубей, детей и кошек...

В точности как сейчас.

Только снежный комок или камушек, брошенный соседским Петькой, не ударит в стекло... Не спугнет гуляющих по карнизу голубей... Не закричит снизу, приплясывая, Петька: «Рыжая, рыжая, конопатая, убила дедушку лопатой!..»

Вранье. Конопушек у Марьи никогда не водилось. Хотя за цвет волос дразнили всегда.

Как Маша завидовала черноволосым и невыразительно блекло-русым подружкам с прилизанными гладкими косицами, поймет, наверное, любой, хоть раз услышавший про дедушку с лопатой. Все девочки вплетали в ровные косы воздушные банты из капрона и даже из тюля, их волосы блестели, словно полированная мебель. Мария... ее голова напоминала мяч, утыканный кудрявой жесткой проволокой! Непослушные рыжие кольца не собирались в чинные косицы, переплетения клубились, вспучивались, торчали кончиками колечек и вылезали из косы клоками.

В детстве Маша плакала и просила подстричь ее под ноль. Мама смеялась и уговаривала подождать – через несколько лет, дочка, за твоими локонами побегут вприпрыжку все окрестные мальчишки.

Мальчишки побежали. Но уже вслед поезду Волгоград – Москва.

А дальше проволочные кудри магнитом притянули *гения* – ах, Тициан, ах, Тициан...

Мама звонила три дня назад и говорила, что едет рыбачить с папой и его друзьями. Купила мотыля и какую-то невероятно хитрую блесну. (Любопытно, но о прочих припасах – чисто женских, консервах, хлебе и крупах, не упомянула даже вскользь.) Что лодку пришлось чинить, потому что папа без ее пригляда поленился на совесть обработать на зиму днище, что все всегда лучше делать самой... Когда приедешь, дочка? Когда отпуск? Как Марк?

Об увольнении из агентства и проблемах с Марком нежная, щадящая дочь родителям не объявляла. Для папы, подполковника-артиллериста в отставке, работа без записи в трудовой книжке – синекюра и бестолочь, вещь непонятная, с намеком на нищую старость. Зять-наркоман и вовсе – удар под дых.

На подоконник, беспокойно дергая пушистым, как метелка для смахивания пыли, хвостом, взобрался крупный рыжий кот. Не особенно интересуясь Марьей, уставился на голубей, вышагивающих по карнизу, в возбуждении поклацал челюстями.

– Что, бедолага, не достать? – чувствуя обязательную симпатию к собрату по масти, спросила беглянка.

Кот нервно дернул шкурой на спинке и неприязненно отвлекся на Машу.

– Да ладно тебе, – буркнула та. – Нужны мне твои голуби.

Кот несколько раз пробежал туда-сюда по подоконнику – голуби ноль внимания на кота в застеколье, – постоял, вытянувшись на задних лапах, поковырял когтями стекло. И огорченно, уяснив, что мир устроен не справедливо, сказал Марье «мяу».

Сел на подоконник рядом с ногами девушки и обвил лапки хвостом-боа.

Через какое-то время голуби беспечно взмыли в небо, еще более расстроенный кот подошел к Машиному животу и, жалуясь на жизнь, потерся ушами, боками о голубые штанины.

Мария поняла доверие правильно, подхватила котика под мягкий живот и пристроила на колени. Кот подумал, подумал, покрутился на месте и свернулся клубком, свесив хвост гораздо ниже подоконника. Запел утробно.

Скоро Машина спина онемела от неудобной позы, но, боясь потревожить урчащий комок, она не двинулась. Сидела, согреваемая теплым зверем, смотрела в окно и почти не думала. Что толку думать, когда весь мир как будто против нее ополчился?.. Одно расстройство.

Примерно через час кот вдруг вскочил, насторожил острые ушки и перебрался на деревяшку подоконника.

Снизу донеслись шаги и тихое «кис-кис»...

Кот не спрыгнул на пол, остался сидеть, глядя вниз на лестничный пролет.

Хозяйку котика – миловидную кудрявую даму – такое невнимание питомца, пожалуй, удивило.

– Аврелий, – сказала она укоризненно, с не которым даже осуждением и строго взглянула на Машу. – Марк...

Сдержанный, в точности выверенный тон женщины великолепно соответствовал ее приличному, какому-то даже старорежимному одеянию: светло-серому платью, кружевному воротничку, сколотому у горла брошью-камеей, аккуратным тапочкам на низком каблуке. Такие дамы не учиняют скандальных разбирательств с незнакомцами в подъездах, не начинают расспросов с громогласным привлечением соседей...

И когда в подъезде прозвучало, обращенное к коту, родное имя Марк, Мария поняла – сигнал. Ниспосланный ей свыше сигнал – спасайся, тебе помогут!

– Подождите! – сказала Маша и спрыгнула с подоконника.

Дама строго посмотрела на незнакомку изучающими серыми глазами и, выслушивая просьбу, начала хмуриться.

Марии даже показалось – знает! Хозяйка кота знает, что рыжая девица сбежала от капитана Алтуфьева, знает, что ее разыскивают за убийство!

Но нет... Откуда ей знать? При всей расторопности никакой Алтуфьев не успеет оповестить район о побеге через средства массовой информации.

Ей показалось. Тем более что женщина, выслушав нелепую просьбу, спокойно сказала:

– Пойдемте.

Убийц не приглашают в свой дом, не обещают им помощи, не объясняются спокойно. Все показалось, все чепуха, расшатанные нервы...

Но было страшно спускаться вслед за женщиной, неся на руках притихшего кота, внизу в квартире могли оказаться мужчины, и тогда... Марию схватят, заломают руки за спину и вызовут Алтуфьева – вот она, ваше благородие, держите, распишитесь.

Женщина провела Машу в большую квадратную прихожую, где явственно угадывался коммунальный дух: многочисленные и разномастные шкафы стояли вдоль стен нечетким строем, обособленные вешалки и обувные тумбы застыли там и сям, древнее туманное зеркало в углу на повороте коридора...

Кот спрыгнул с рук и помчался в этот коридор.

Там кухня, догадалась Маша.

Хозяйка квартиры молча смотрела, как озирается по сторонам нечаянная гостья, и, слава богу, не звала никого выйти из комнатных дверей.

– Вам дать косынку или ножницы? – спросила, уточняя, ровным голосом, и Марье отчего-то вспомнилась пожилая продавщица из книжного магазина – «какое конкретно издание учебника вас интересует?».

– А можно и то и другое? – попробовала улыбнуться Марья, растягивая резиновые от страха губы.

– Можно, – невозмутимо кивнула дама. – Вы собираетесь остричь волосы?

И снова в ее тоне прозвучало не только вежливое холодноватое любопытство, но и – знание.

– Да, – сглотнув, пробормотала Маша. – А как вы догадались?

– Будет жаль состригать такую красоту, – пожала плечами кошачья хозяйка. – Может быть, остановимся все же на косынке... МАРИЯ?

В груди у Маши тихонько сплюснулись легкие. Сердце испуганно обернулось в них, как в тряпочку, и тихо, тихо затрепетало.

Из тела словно бы исчезли все косточки, и, помертвевшая, колышущаяся, словно водоросль, она качнулась к выходу. Не мигая, чувствуя, как оплывают, сползают вниз лицевые мышцы, Маша пятилась назад.

Входная дверь распахнулась за ее спиной...

– Ох, погода, Софа, просто прелесть!

Мария побоялась даже не то что обернуться, а хоть чуть-чуть скосить глаза – кто появился сзади?! – взгляд приковывала к себе строгая дама с кружевным воротничком. Она смотрела Маше в глаза и – *знала!*

– Ой, да у нас гости... – пробасил тот же старушечий голос от двери. Застывшую столбом Марью обходить стала крепкая костистая бабка в дорогом спортивном костюме из коричневого плюша.

Бабулька не закончила интонационно требующего продолжения восклицания, остановилась напротив Маши, и в тот же миг исчезли последние сомнения – они все знают. В этой квартире знают, что Маша сбежала из милиции, что прячется, что ее разыскивают за – *убийство*... Вторая женщина, прищуриив буравчики-глаза, рассматривала Марью без испуга и стеснения и словно бы прикидывала – сразу в милицию бежать или связать вначале?

– Познакомься, Наденька, – мелодично произнесла хозяйка Аврелия, – это Маша Лютая. Я не ошиблась? Вы – Мария Лютая?

Шея, из которой до последней косточки исчез позвоночник, безвольно поколебалась.

– Я не ошиблась, – констатировала дама.

– Я сейчас уйду, – облизав губы, хрипло проговорила Марья, попятилась и уперлась спиной во входную дверь.

– А косынка? Вам больше не нужна косынка?

Совершенно ничего не понимая, Мария перебрасывала взгляд с одной женщины на другую, но рука ее уже перестала нащупывать сзади дверную ручку.

Бабулька, которую хозяйка кота назвала Наденькой, тоже мало что понимала. И, словно объясняя ей что-то значимое, первая женщина – Софа – сказала:

– К ней, Надя, Марк пошел.

– Как – пошел?

– На руки. Сбежал из дома, пока мы Настеньку с Алешей провожали, забрался на последний этаж и часа полтора сидел вот с этой красавицей.

– А-а-а... – словно бы облегченно протянула бабушка в спортивном костюме.

Нереальный диалог двух женщин дал Маше передышку, резко обернувшись, она дернула дверную ручку...

– Подождите, – остановил ее все так же невозмутимо требовательный «книжный» голос. – Я вы несу вам косынку.

Софа оставила гостью наедине с суровой Наденькой, чем-то неуловимо похожей на артистку Фаину Раневскую, на миг отразилась в старинном зеркале и свернула в коридор, где раньше исчез котик.

Маша отпустила дверную ручку, страх, безжалостно высосавший последние силы, подломил колени, и, стыдясь безволия, не напрашиваясь на жалость, Марья сползла вниз по дверному косяку. Села на корточки в углу, образованном толстой стеной и дверью, мертвыми, как переваренные макаронины, руками оплела колени.

По щекам, без всякого приказа заструились слезы.

– Ну, ну, ты что, красавица? – сердобольным баском произнесла «Раневская». – Никто тебя тут не обижает...

– Вот. – В прихожую, с двумя платками в вытянутой руке, вернулась Софа. – Возьмите.

Маша помотала головой, но звук «спасибо» не вылетел из стиснутого, клокочущего следами горла, застрял и оборвался. Проклиная себя за слабость, Марья уткнула голову в колени, всхлипнула.

На тихий плач из коридора выбежал пушистый кот. Поставил передние лапы на Машины ноги, ткнулся мордочкой в мокрую щеку.

– Да-а-а, – озадаченно протянула Надежда. —
К плохому человеку не пойдет... Ни за что не пойдет.
Ты вот что, красавица, вставай, умойся...

Через полчаса умытая Мария сидела в большой странной комнате за накрытым скатертью круглым столом.

Все в этом доме удивляло: хозяйки, проявившие странное великодушие к беглой «преступнице». Несоответствие вещей: окруженный допотопной мебелью, вдоль стены стоял дорожный домашний кинотеатр «Пионер». На древнем, даже скрипучем столе с поцарапанными, видимыми из-под скатерти ножками – изящнейший сервиз и чудная скатерка. В хрустальной вазе пышная сирень. Мебель, одежда, техника, все было перемешано, все было из разных эпох, разных стилей жизни, диаметральных возможностей кошелька. Дорогая техника смотрелась свежей заплатой на старом одеяле выцветших обоев. Возле тонкой фарфоровой розетки с вареньем лежала простецкая железная ложка с почерневшими завитками на черенке. И было непонятно, что тут чему не соответствует: устаревшая мебель современному, брызжущему дороговизной телевизору, старые ложки тонкому сервизу (ложкам тетюшки, кстати, соответствовали вполне) или серебряная сахарница и прихотливые щипчики желтоватому кусковому сахару?

Все перепуталось, смешалось в этой комнате. Вещи ничего не говорили о своих хозяевах, а наоборот – вносили еще большую сумятицу.

Кто они, эти две пожилые женщины? Они не соответствовали даже друг дружке! Одна – Софа, седовласая дама с исключительными манерами вдовствующей герцогини; Надежда – бабушка, каких две сотни на каждой улице...

Они – подруги? Соседки? Странно прижимистые пенсионерки – о скудных пенсиях вопил здесь каждый стул! – сумевшие по какой-то прихоти добавить к допотопной мебели динамики «Пионера»?!

Или родственницы каких-то богатеев, делающих подарки бабушкам – сервизы, скатерти из французского льна, телевизоры?..

Но почему не мебель?! Не люстру, взамен истлевшему абажуру над круглым столом?! Комод рядом с «Пионером» и вовсе выглядит дико!

Странно. Все странно в этой квартире. Коммуналка, не коммуналка – общая гостиная...

Так ничего и не поняв о хозяйках, Марья вздохнула, перескакивая с пятого на десятое, прижимая ладони к сердцу, повествовала о своих злоключениях. Рассказывала то о себе и родителях, то о Марке и Татьяне Игоревне, обрушивалась на Покрышкина...

Сумбурно выписанная эпопея вначале вызывала у слушательниц мало скрываемое недоверие. Марья пугалась под изучающими взглядами и первый раз пробила это недоверие, сказав:

– И тогда я перебрала пистолет на балкон По крышкина. Тетюшки переглянулись.

– Зачем? – спросила «книжная» дама, представившаяся полчаса назад как Софья Тихоновна.

Вторая женщина, Надежда Прохоровна, подтвердила важность вопроса кивком.

– Не знаю, – потупившись, честно призналась Марья. – Наверное, из-за того, что уже смысла в унитазах наркотики. Уничтожила улику. – И, вскинув голову, глядя прямо в глаза приживших ее женщин, произнесла: – А если по правде – испугалась. За Марку.

– Ты считаешь, это он убил соседа? – прищурилась Надежда Прохоровна.

– А кто еще? Ведь пистолет появился в *нашем* шкафу.

– Так, так, так... А кто, по-твоему, *сигнализировал* в милицию?

Марья развела руками:

– Не знаю. Вот честное слово – не знаю.

– А Марк мог тебя за что-нибудь... мгом... наказать? Подставить? – Крепкая крупноногая бабулька Надежда Прохоровна сразу показалась Маше очень четко, по-современному вменяе-

мой. Она задавала толковые вопросы, как истинный следователь или... любитель криминальных сериалов. Ее отношение к происходящему отличалось детальностью и было иным, нежели реакции акварельно-нежной седовласой Софы. – У вас есть какие-нибудь денежные или квартирные непонятности?

Мария вытянула вперед по столу руки, склонилась...

– Ну? – подтолкнула Надежда Прохоровна. – Есть? Что-нибудь делите?

– Не знаю, – пробормотала Марья.

– Как это – не знаю?! Квартиру – делите?!

– Нет. Наверное, нет.

– А чья квартира?

– Его. Точнее, наша. Но – его. Марк раньше жил там с мамой, вырос там... Когда он плотно на иглу сел, Татьяна Игоревна свою долю от приватизации на меня переписала, чтобы Марк, значит, все на наркотики не спустил...

– Понятно. Квартира, значит – его, а живешь там – ты.

– Да! – выпрямилась Маша. – Марк ушел! Ушел полгода назад, и я осталась там одна.

– А где он сейчас? Где живет?

– Не знаю!

– И он за полгода ни разу не появился? – прищурившись, допытывалась пожилая любительница острых вопросов.

– Нет! Появился пистолет и наркотики, а ключи от дома только у Марка! И как снять и поставить квартиру на сигнализацию, знает только он!

– Ах, так у вас еще и сигнализация...

– Да!

– А чего вопишь? – спокойно поинтересовалась Надежда Прохоровна. – Я тебя толком спрашиваю – зачем Марку тебя под убийство подводить? Успокойся, думай как следует.

– Да, да, – кивнула Софья Тихоновна. – Вам, Маша, надо успокоиться и без горячки еще раз все обдумать. Вы кем работаете?

– Я дизайнер, рекламщик, говорят, – усмехнулась, – креативный. Сейчас фрилансер.

– Кто?

– Фрилансер. Работаю на себя...

– Так, Маша, – с некоторым недовольством перебила Надежда Прохоровна. – Ты тут иностранными словами не козырай. Мы люди простые, новомодностей ваших не понимаем, так что давай договоримся сразу: с нами четко, по-русски. Поняла? Фри... ффа... Это что за работа такая?

– Это форма работы, – вздохнула Марья. – Фриланс – свободная то есть работа. Дома. Сама себе начальник. А креативный... ну, это... выдумщик, в общем. Я умею придумывать что-то новое, нестандартное для рекламы. Не совсем копирайтер... ой, простите. Я больше дизайнер. Это понятно?

– Понятно, – самодовольно напыжилась Надежда Прохоровна. – Мы вот ремонт задумали, так к нам тоже дизайнер приезжал.

– Интерьеров, – добавила Софья Тихоновна.

– И как работа? – снова вступила в разговор Надежда Прохоровна. – Платят много?

– По-разному. От прежнего места работы у меня остались некоторые связи, по Интернету нашла новых заказчиков, тех, кому требуются рекламные брошюры, проспекты, могу сделать баннер, оформить сайт... у меня есть компьютерчик хороший... В общем, все виды рекламной деятельности. Кроме, пожалуй, видеороликов. Так – понятно?

– Ну... да. Рекламные листовки печатаешь.

– Разрабатываю дизайн, – с улыбкой поправила Марья. – Печатают типографии.

– И много зарабатываешь?

– Ну я же говорила – по-разному.

– А мог муженек на твои денежки позариться?

– Ах, вот вы к чему... Не знаю... Нет, не мог.

– Почему вы так уверены, Маша? – негромко спросила Софья Тихоновна. – Ваш муж, простите, наркоман.

– Он наркоман, но не подлец. Если бы у Марка возникли денежные трудности, он прежде всего поговорил бы со мной, попросил.

– Но кто-то ведь *сигнализировал* в милицию? Кто-то знал, что у вас пистолет, наркотики...

Мария опустила плечи и, уставив взгляд в стол, произнесла:

– Марк мог убить Покрышкина. Тот жизнь ему сломал... Но написать анонимку в милицию... Сказать, что я – наркодилер... Я думаю... – Мария подняла голову, – я могу предположить, что в нашу квартиру он пришел не один. Кто-то был вместе с ним и видел, как, куда Марк прячет пистолет и наркотики.

– Вы так любите мужа?

– Ну при чем здесь любовь?

– Вы так его защищаете...

– Защищаю?! Нет. – Мария оттолкнулась от стола. – Я стараюсь быть максимально объективной, не искать без толку кога в пустой комнате. Обвинить меня в сбыте наркотиков, в том, что я заодно с гадом Покрышкиным, Марк не мог. Это сделал кто-то другой.

– А если Марк изменился за полгода?

– Изменился... – пробормотала Марья. – Так сильно... Но – за что?! Что я ему такого сделала?! Я никогда ему ни в чем не отказывала!

Мария почувствовала, что сейчас снова заплачет, и отвернулась.

– Н-да, – смущенно крикнула Надежда Прохоровна, – как все запутанно у тебя, красавица. Ты хоть знаешь, где мужа искать?

– Нет, – печально покачала головой беглянка. – Не знаю где, но знаю как. Точнее, через кого.

– Завтра идти туда собираешься?

– Почему – завтра? – удивилась Марья.

– А ты думаешь, мы тебя отпустим ночью по наркоманским притонам шарить? – спросила «Раневская». – Нет, голубушка, утро вечера мудреней. Ты вот лучше...

Что там лучшего хотела предложить добрейшая Надежда Прохоровна, Мария узнать не успела. Из прихожей донесся звук отпираемой двери.

Софья Тихоновна всплеснула руками, подхватила со стула и буквально выпорхнула в прихожую:

– Вадим! Так рано?!

– Меня Рома встретил и подвез, – раздался из прихожей мягкий баритон. Он очень точно попадал тональностью под «книжный» голос Софьи Тихоновны, их речь переплеталась, подхватывала интонации и настроение.

– А где Роман?

– Поехал в магазин. Рыбки, понимаешь ли, ему соленой захотелось.

– Как будто у нас рыбки соленой нет, – проворчала оставшаяся в комнате Надежда Прохоровна.

Зная крепкую носатую бабушку совсем чуть-чуть, Мария успела понять, что ворчливость у Надежды Прохоровны привычная, добродушная. Она общалась с близкими людьми, и бурчание это никого не задевало, а только показывало, что она сама бы с удовольствием накормила некоего Рому соленой рыбкой. Что ей приятно внимание этого Ромы, который, прежде чем заявиться в гости, побежал в магазин за гостинцами.

Приятно.

Быть в таком доме, с такими людьми, спрятаться, укрыться у них от разразившегося ненастья...

В комнату, положив руку на плечо Софьи Тихоновны, зашел невысокий щуплый господин в светлом пиджаке нараспашку. Его загорелая щека клонилась к головке супруги, пальцы нежно поглаживали плечо, утянутое серой материей...

Как все в этой фантастической квартире, муж чина тоже был непонятен: седые волосы собраны в пучок на затылке, лицо загорелое, обветренное, как у землепашца, но на крестьянина странный сухощавый господин не походил нисколько. Умные глаза смотрели пытливо, но приветливо, и Марья, привыкшая к тому, что обычно подмечает острым взглядом художника множество мелочей и довольно точно определяет род занятий человека, здесь растерялась.

Пластика движений выдавала в мужчине хорошо тренированную (возможно, трудом) физическую форму, но руки – нежные. Лицо обветренное и слишком загорелое для жителя северных широт, но в остальном супруг Софьи Тихоновны ухожен, аккуратен и даже франтоват.

Все непонятно. На строителя или агронома (что ему в Москве делать?!) он никак не походил, на работника умственного труда... пластика движений говорила о том, что этот человек не просиживает в офисе целый день напролет...

Странный господин. Хвостик еще этот на затылке, совсем сбивает с толку...

И Софья Тихоновна...

– Позвольте, Маша, вам представить моего мужа Вадима Арнольдовича. Вадим, это наша гостья – Мария.

Она так говорила слово «муж», словно пробовала его на вкус. Обкатывала на языке и лакомила. С появлением в доме Вадима Арнольдовича Софа помолодела лет на двадцать.

Слов нет, пожилая любящая пара – не диковинка. Но эти... Два этих немолодых супруга – просто из ряда вон. Они так смотрят друг на друга, что можно лампы выключать: глаза сияют фонарями.

Еще ни разу, никогда Мария не встречала в одном доме сразу столько непонятных, загадочных для себя людей.

А уж когда вошел еще и Рома...

Представляя себе мужчину, уехавшего за рыбкой, Марья вообразила личность подобную сухопарому Вадиму Арнольдовичу. Кого-то вроде невысокого худосочного агронома со скромным обветренным лицом и приятными манерами школьного учителя... Но в комнату вошел – громила. Чистейшей воды коротко стриженный бандит с расплюснутыми ушами, перебитым носом и крепкой литой задницей, утянутой в черные кожаные штаны. Тонкая, черная же куртка из лайки обтягивала могучий торс и нисколько не скрывала бугрящихся под рукавами мышц.

Мария, признаться честно, струхнула. Никакого доверия к криминальным браткам в своем нынешнем положении она испытывать никак не могла.

В момент, когда громила засунул переломанный нос в гостиную, Софья Тихоновна собирала на поднос чашки-ложки, Надежда Прохоровна убирала в сервант коробку конфет.

– Здравсте, баба Надь, тетя Сонь, – сказал Роман и недоуменно поглядел на перетрусившую Машу.

– Здравствуй, Ромочка, – защebetала Софья Тихоновна, – знакомься – это Мария. Она наша гостья, ей нужна помощь.

Исчерпывающие рекомендации заставили громилу сурово сдвинуть исчерченные шрамами брови, упрятать в складки над глазами бестрепетные карие глаза. Софья Тихоновна тем временем рекомендовала уже Рому гостье.

– Машенька, Рома у нас спортсмен, – начала, очень чутко догадываясь о том, какое впечатление способен произвести Ромашка на девчушек, – бок сер. Сейчас у него своя спортивная школа. – Марью немного отпустило. – Ромочка племянник Вадима Арнольдовича...

Звероподобный руководитель спортивной школы – бедные ученики! Их тренер сбивает с ног единым взглядом! – протянул Надежде Прохоровне пакет с эмблемой дорогого супермаркета, баба Надя сунула туда руку и извлекла за уголок пластиковую упаковку с двумя простецкими селедками.

– О! – сказала, разглядывая селедки. – А я уж думала, тебе чего-то особенного захотелось...

– Селедка летом тоже особенность, – заявил Рома и, снимая на ходу куртку, потопал в прихожую.

– Что верно, то верно, – согласилась Надежда Прохоровна, – мы ее раньше только с октября по февраль покупали. Ром! – крикнула зычно. – Ты знаешь, что селедка только выловленная с сентября по февраль вкусна?

– Для вакуума сезонов нет, – отозвался бок сер.

Дабы не сидеть как тетеря напротив страшноватого Ромы в гостиной-столовой, Марья вызвалась почистить селедку и улизнула на кухню, где под пристальным взглядом бабы Нади лишила первую рыбу внутренностей, шкурки и самых мелких костей.

– Ты хвостик с хребтом на отдельную тарелочку положи, – сказала хозяйственная тетушка. – Ромка любит косточку обсосать.

Вторую селедку Марья чистила уже в присутствии одного облизывающегося Аврелия. И снова в который раз ее удивило несоответствие вещей в этой квартире: под первую рыбу Надежда Прохоровна принесла совершенно роскошную селедочницу из дрезденского сервиза, под вторую вынула из навесного кухонного шкафчика пожелтевшую от времени щербатую селедочницу, расписанную по уголкам скромными веточками клевера.

«Они разбогатели внезапно? – отвлекая себя от тягостных дум, размышляла Марья. – Почему квартира вперемежку заполнена дорогими вещами и совершеннейшей рухлядью?»

Прнося вторую селедочницу по коридору мимо раскрытой двери в комнату, судя по всему, Софьи Тихоновны и Вадима Арнольдовича, Мария не удержалась и заглянула туда.

Комната, надо сказать, была бы способна поразить любого гостя и без всех прежних заморочек. Большая, метров тридцать, она была заполнена книжными стеллажами под потолок. На свободных от шкафов участках стен во множестве висели фотографии, Марья на цыпочках подкралась к ближним от двери – разве может дизайнер и чуть-чуть фотограф лишиться себя такого удовольствия?! – взглянула: на нескольких черно-белых снимках Вадима Арнольдовича окружали иноземные пейзажи. Степи и горы, буддийский храм и туристическая дневка у пустрой каменистой речки.

На стене напротив репродукция – Рерих, мгновенно определила выпускница художественного училища. «Гималаи. Закат солнца».

«Вадим Арнольдович – путешественник?» – предположила и, оглядевшись, заметила еще одну особенность: в комнате, где явственно ощущалось присутствие женщины, где старые и новые фотографии заполняли каждый свободный кусок стены, только два снимка Софьи Тихоновны. Один явно свадебный, где пара вместе, а в руках у Софьи букет. Вторая – портрет эпохи Леонида Ильича, молоденькая, только что из парикмахерской Соня принужденно и неловко улыбается в камеру.

И все. Ни одного напоминания о совместных путешествиях. Странно, правда?

– Мы поженились только в прошлом ноябре, – раздался за спиной голос Софьи Тихоновны, Мария вздрогнула от неожиданности и неловкости, тарелка с рыбой чуть не выскользнула из пальцев. Повернулась и, встретив приветливый, без недовольства ее любопытством, взгляд, осталась возле фотографий. – Вадим Арнольдович ученый. Востоковед, – горделиво

поясняла хозяйка, Марья слушала и догадывалась, что Софье Тихоновне приятно говорить о муже. – Сейчас Вадиму Арнольдовичу предложили прочесть курс лекций в университете, а обычно он много разъезжает по России и за ее пределами. А вот это, Маша, Тибет...

Софья Тихоновна говорила так, словно проводила обзорную экскурсию по дому-музею. Сама еще раз любовалась ученым мужем и, кажется, могла продолжать так до бесконечности.

– Вадим Арнольдович много занимается йогой, у него есть собственная система закаливания...

Вадим Арнольдович, Вадим Арнольдович, Вадим Арнольдович... Старорежимная церемонность в каждом жесте, в каждом повороте головы, слове, пояснении.

Невероятная дама. Таких уже не выпускают. Штучный экземпляр.

– Ну хватит, совсем я вас заговорила, – улыбнулась хозяйка и повела Марью в гостиную.

Там за столом под круглым абажуром Надежда Прохоровна на скорую руку посвящала мужчин в обстоятельства, приведшие в их дом рыжеволосую гостью. Роман задумчиво посащывал рыбий хвостик, на столе перед ним стояла банка безалкогольного пива; Вадим Арнольдович потирал рукой чисто выбритый подбородок.

– И вот что я думаю, – поглядывая на вошедшую Марью, говорила баба Надя, – не мог бы ты, Ромка, походить завтра с Машей, поискать ее мужа. – Предложение без ответа на несколько секунд повисло под древним абажуром, и баба Надя заюлила: – Нет, был бы тут, конечно, Алеша... Слов нет, отправился бы с ней, может быть, пистолет бы взял... Но нету Леши, Рома... Нету. Или, – обернулась к ученому востоковеду, – ты, Арнольдович, с девочкой сходишь?.. Тут и делов-то...

– Я пойду, – перебил Роман. – Попрошу заменить меня на утренней тренировке и пойду.

– Не надо... – стушевалась Марья, – я и сама могу...

– Сама ты ничего не можешь! – обрубил Надежда Прохоровна. – Сама ты только на нож какой-нибудь напорешься!

– Но я... там нет ножей!

– Баста, девчата! – хлопнул рукой по столу боксер. – Сказано – пойду я, значит – пойду.

– А сегодня, Маша, у нас ночевать останешься, – радостно подытожила хитрющая баба Надя. – И ты, Ромка, тоже оставайся. Зачем за полночь за город тащиться? Ляжешь здесь, Маше мы у Насти с Алешенькой постелем, всем места хватит.

Опустив ресницы, освобождая на столе место под вторую селедочницу, Мария подумала: «Они оставляют здесь этого Рому, потому что боятся ночевать в одном доме с убийцей?..»

Что ж. В том их право. Лимит доверия не безграничен.

Поздним вечером в руки Марье почти насильно впахнули Настасьину ночную рубашку, халатик и пластмассовые (кажется, банные) шлепанцы, снабдили полотенцем и отправили в ванную на водные процедуры – смывай с себя, беглянка, всю нервотрепку. Лучше чистой водицы ничто в этом деле не поможет.

Марья с удовольствием выполнила указание, переоделась, но вот уснуть не получилось. По большой прямоугольной комнате бродили тени от разбитой лучами фонаря листвы, чужие вещи пахли благоденствием, Марья казалась себе горькой сиротой, подброшенной к крыльцу дома, где проживают жалостливые люди.

На стене напротив большой двуспальной кровати висела фотография: тот самый симпатичный старший лейтенант, что приходил на обыск, и миловидная, похожая на Софью Тихоновну мелкая блондиночка. Лицо – невыразительное. Но мужчины от подобных млеют. Крутой упрямый лобик, обманчиво безвольные мягкие губы, матовая кожа... Как художник, Марья за такую натуру в жизни бы не зацепилась! Все слишком миленько, меленько, прилично, чинно. Без страстей.

Но... хороша. Мужчины действительно рвутся таких защищать, как цепная свора...

«Эх, – укорила себя Марья, – это в тебе, голубушка, досада бушует. И ревность. Здесь все о Насте с придыханием говорят, а ты – случайный гость. Завтра уйдешь, никто не вспомнит...»

Внезапно захотелось плакать. Хотелось уехать в Волгоград, к маме, хотя бы на попутках, хотелось закрыть глаза – не видеть этого счастливого портрета! – и открыть их уже в своей комнате. Все только сон, все ей пригрезилось, и ничего не было...

Марья встала с кровати, накинула халат Анастасии (благоденствие!) и отправилась на кухню за водой. (Селедка оказалась обманчиво малосольной.) Там, сгорбившись за столом тумбой, сидел Вадим Арнольдович. В зубах его торчала трубочка с прямым длинным чубуком и круглой чашечкой на конце. Ученый рассеянно посасывал чудной, иноземно пахнущий дымок и на Марью смотрел прищуренными, чуть слезящимися от дыма глазами.

– Не спится? – спросил добродушно.

– Да вот... воды хочу налить...

– Пожалуйста, графин на столе.

– А вы почему не спите? – спросила Маша, наполняя стакан прокипяченной отстоявшейся водой.

– Люблю на сон грядущий трубочку выкурить, – признался йог-востоковед. – Раньше тихонечко в своей комнате дымил, теперь – нельзя. Супруга спит.

– А-а-а, – протянула Маша, не зная, что еще сказать, и очень не желая возвращаться в комнату, пропахшую чужим счастьем. Там было тяжело, казалось, что завистливо подсматриваешь.

– Вы хотели меня о чем-то спросить? – предположил Вадим Арнольдович.

– Нет... Просто не спится...

– Понимаю. А позвольте мне задать вам вопрос?

– Конечно.

– Ваш муж, Мария, был хорошим художником?

– Почему был? – спросила Марья, усаживаясь с другой стороны стола на табурет. – Он и сейчас им остается. Я не теряю надежды.

– Похвально, – серьезно кивнул востоковед. – И все же. Как получилось, что талантливый художник вдруг променял живопись на наркотики? Такое порой случается с людьми, обделенными воображением, но это, как я понял, не ваш случай?

– Да. Не наш, – ответила Марья и сгорбилась, согнувшись от болезненных воспоминаний. – Марк начинал не вдруг, не сразу. Постепенно. Вначале покуривал, – усмехнулась, – понюхивал... Потом... Потом отменили его выставку. Лютый уже договорился с галерейщиками, уже готовил экспозицию, я прорабатывала дизайн афиши... А вышло... Вышел – пшик. Место отдали модному квадрату...

– Простите, – перебил ученый. – Квадрату?

– Да. У Марка, знаете ли, есть присказка такая, тост. «После «Черного квадрата» Малевича в искусстве уже ничего не стыдно...»

– Ах, этот «квадрат»...

– Да, для Марка этот «квадрат» является синонимом бездуховности, синонимом трезвого расчета.

– Он предпочитал «красивости»? – поднял брови Вадим Арнольдович.

– Нет, что вы. Его кумир Рене Магритт. Марк не поклонник «лакированной» живописи, приятной только глазу. Он считает, что живопись должна прежде всего будить мысль... Его картины тоже многослойны. Не так фотографически точны, как у Магритта, у Лютого другая техника, более крупный мазок, но что-то общее в концепции есть.

– Магритт, Магритт... – задумчиво повторил Вадим Арнольдович. – Сюрреалист? Бельгиец?

– Да. Марк его боготворит. Но все задуманное как чистой воды эпатаж – не выносит. «Квадратам не место в искусстве!»

– Но ведь «Квадрат» Малевича, простите, тоже мысль. Если не ошибаюсь, впервые он был выставлен в красном углу, на месте иконы...

– Да. Черная «икона», вместе лика – провал. Большая жирная точка, поставленная в конце всего.

– И выставку Марка отдали какому-то «черному квадрату»?

– Да. Очень модному, очень раскрученному, очень ловкому. Марк этого не вынес, в его картинах больше смысла, а не только трезво просчитанный эпатаж. После отмены выставки Лютый сорвался...

Как в штопор ушел.

Марья рассказала, как несколько лет пыталась помочь мужу, как удерживала на краю, вспомнила Татьяну Игоревну...

Вадим Арнольдович в задумчивости посасывал затухающую трубочку, потом вынул ее изо рта и произнес, печально глядя на гостью:

– А знаете, Маша, теперь я понимаю, почему вы сбежали.

– Понимаете, да?! Правда?! – Маша приложила ладони к груди.

– Понимаю. Любого наркомана достаточно закрыть на несколько дней в камере, и он подпишет любое признательное показание. Но ваш муж... я не могу представить, в голове не укладывается, что он мог так жестоко с вами поступить.

– Правда?! Вы тоже так думаете?!

– Вы хороший человек, Марья, – сказал ученый, выбивая трубочку о край пепельницы. – И мы вам поможем.

Глава 2

Роман Владимирович Савельев давно привык быть использованным, если у друзей случались неприятности разного рода. Широчайшие связи Романа Владимировича, громкое имя, славное спортивное прошлое (пролонгированное в настоящем школой бокса, двумя фитнес-центрами и тренажерным залом) и внешность героя кинобоевика не раз вовлекали его в мероприятия, где требовалось поторговать лицом, фамилией или просто выступить устрашающим фоном.

Но случалось подобное – с друзьями.

Теперь же его *вынудили* заниматься дурнопахнущими проблемами какой-то рыжей девицы с беспомощными глазами приبلудной кошки, разгребать какие-то наркоманские заморочки...

ТЬфу!

Если бы не Софья Тихоновна, не утренний разговор по душам с дядей Вадиком...

ТЬфу! Дьявол забери всех приبلудных девиц с их наркоманскими мужьями!

Девица с самого утра развила бурную деятельность. Отправила Софью Тихоновну в магазин за некими причиндалами для шевелюры, перемерила кучу Настиных – Настиных! – тряпок и даже позволила себе заметить, что у Настасьи – у Настасьи! – меньше рост, шире бедра и нога неподходящего(!) размера.

Потом пропала в ванной комнате, вооружившись химией из магазина и ножницами, и вышла от туда...

Вышла оттуда ничего себе.

По правде говоря, Роман чуть-чуть оторопел, увидев перед собой смутно узнаваемую коротко стриженную блондинку в черных бриджах, черном джинсовом жилете поверх длинной кофты-распашонки, при повязанном на шею ярком платке Софьи Тихоновны.

«Художница», – про себя хмыкнул боксер. Из довольно скромных на вид Настиных тряпочек смогла изобрести богемно-пестрый наряд.

– Бусики с браслетами еще нацепи, – притворившись недовольным, пробурчал Савельев.

– А – надо? – заметно огорчилась Марья. – А – есть?

– А бубен тебе не разыскать?

– Цыц, Ромка! – приказала, вступаясь, баба Надя. – Маша все правильно делает! Здесь первым делом что будет? Наряд в глаза бросится. А не лицо.

Приглаженная блондинистая шевелюра на голове кошки улеглась странными извилистыми полосками, челочка причудливым уголком спускалась почти до середины лба, прическа получилась короткой, задорной и очень кошке шла. «И как изловчилась только? В ванной-то, с одними ножницами... Художница, одно слово».

Софья Тихоновна смотрела на девчонку с одобрением, Надежда Прохоровна любовно опраивала уголок шейной косынки...

«Нашли себе игрушку! Их хлебом не корми, дай подзаборного котенка обогреть...»

Огромный черный джип, спокойно переночевавший в тихом дворике, прогрело июньское солнце. Второй день лета не обещал Савельеву ничего приятного.

Они вдвоем вышли из подъезда, привычно пискнула родная сигнализация, Роман открыл водительскую дверь, мотнул головой девчонке – особого приглашения не жди, забирайся, – но Маша осталась стоять рядом с машиной.

– Ну? – недовольно буркнул боксер.

– Роман, – чуть наклонив голову, произнесла Мария, – если вам неприятна я, неприятно поручение ваших родственников, не надо. Сама спокойно разберусь со своими делами.

Умна, мысленно фыркнул Рома. Не стала устраивать перед тетушками аттракцион «благородная храбрость», дождалась, пока выйдем на улицу, и теперь дает возможность смыться безболезненно для реноме крутого парня.

А в доме вела себя совершенно по-кошачьи. Мурлыкала: «Спасибо, тети, спасибо, дяди, вы все мои спасители-благодетели». Умна. Все овцы накормлены, все волки довольны.

– Ты вот что, Маша, – медленно выговорил Са вельев, стягивая с плеч кожаную куртку (день обещал быть жарким) и забрасывая ее на заднее сиденье, – ты тут не выкаблучивайся. Садись в машину, говори, куда ехать.

Марья молча кивнула, Роман устроился за рулем, буркнул:

– Пристегнись.

Кошка послушно перетянулась ремнем безопасности, назвала конечный пункт следования и умненько заткнулась.

– Кто там живет? – уже пристраивая машину в хвост очереди у светофора, с деланным равнодушием поинтересовался Роман.

– Виолетта, – четко ответила пассажирка.

– Она – кто? Содержательница притона?

– Она восторженная богемная курица.

Савельев фыркнул уже вслух. Девчонка говорила монотонно, но смысл... Наотмашь бил. Забавно.

– Ревнуешь к мужу? – подковырнул Роман. – Она его подруга?

– Марк считает Виолетту другом. Кем себя считает Виолетта, это ее дело.

Фигура... Язва!

Роман – настроение неожиданно улучшилось – спокойно рулил в потоке машин. Мария (наверное, мстя за недавние нелюбезности) молча смотрела в окно.

На перекрестке за светофором показалась стоящая у обочины милицейская машина; гаишник, поигрывая жезлом, разглядывал поток машин, возле него, опираясь на капот автомобиля, скучал товарищ с автоматом на пузе.

– Проедем ментов, – сказал Савельев тихо, – до стань из бардачка очки, надень.

Марья без суеты выполнила все в точности. Но когда налаживала на нос солнцезащитные окуляры, Роман заметил, как подрагивают тонкие изящные пальцы с коротко остриженными ноготками.

«А ведь неплохо держится кошка! Не скулит, не жалуется...» Скосил глаза ниже – коленки ровные, гладкие, ножки ухоженные... Только бледноватые, не загорает...

Тьфу! Так и врезаться недолго! (Причем «врезаться» не только в зад маршрутки, но и в эти коленки с мордашкой!)

Но, что ни говори, поведение девчонки вызывало уважение. Особенно если вспомнить, что говорили о ней тетушки: побег из милиции, не растерялась, перебросила пистолет с балкона на балкон. Если бы не нелепая случайность – выкрутилась бы. И сейчас без всякой помощи «героя боевика» ехала бы выколачивать правду из сволочного мужа.

– А почему ты уверена, что эта Виолетта знает, где искать Марка? – первым нарушая молчание, спросил Роман. – И почему уверена, что Виолетта скажет тебе, где он находится? Мне почему-то думается, вы с ней не большие приятельницы.

– Ценное замечание, – без всякого сарказма кивнула Марья, и Роман в который уже раз подумал – язва! – Виолетта может ничего не сказать. Но начинать надо оттуда.

– А если не скажет? Что тогда?

Мария повернула к Роману голову, молча посмотрела в глаза, и Рома понял – *эта* заставит. Если надо – выбьет.

– Ну что ж, – усмехнулся, – едем ошипывать богемных курей.

– Не надо никого ошипывать, – отвернулась Маша Лютая. – Достаточно сказать, что убит Покрышкин и Марку угрожает опасность, Виолетта сама нас отведет куда надо. «Черт – все продумала! А я – хорош. Лезу в лоб с «боевыми» комментариями».

Возле крайнего подъезда девятиэтажного кирпичного дома Марья попросила остановить машину.

– Может быть, тебе лучше остаться здесь? – спросила, глядя перед собой в стекло на милый зеленый дворик в кустах сирени.

Но вряд ли она видела сирень и лавочки.

– Пойдем вместе, – твердо сказал Савельев и вынул из замка зажигания ключи.

Подозрительно трясущийся, дребезжащий лифт довез их до предпоследнего этажа, Марья вышла на площадку, подняла очки на лоб...

Волнуется, догадался Роман. Пальцы девчонки немного тряслись; готовясь к разговору, Мария нервным кашлем прочищала горло, но в общем выглядела на полноценную четверку – невозмутимая деловитая дамочка приехала к «подружке» на розыски подгулявшего мужа.

Нажала на дверной звонок. Роман, привычно создавая фон, выступал за ее спиной черной скалой в тесных кожаных штанах, но, помня, что дверь им откроет все же курица богемная, особенно страшную рожу не корчил.

С богемных и богатырского фона бывает достаточно.

Дверь распахнулась внезапно, во всю ширь, на пороге застыла щуплая востроносая особа неопределенного возраста. В индийском платье-халате из безумно фиолетовой марлевки, жидкими всклокоченными волосиками цвета свежей ржавчины – ого, а Марк у нас крепко рыженьких любит, подумал «фон», – цепкие птичьи лапки мертвой хваткой вкогтились в косяк и дверную ручку.

Две женщины разглядывали друг друга, как полководцы поле битвы. Внизу под косогором уже сшибались полки, канониры забивали в жерла чугунные ядра и ждали команды «пли!».

– Явилась, значит, – прошел воздух первый шипящий залп.

– Здравствуй, Виолетта, – спокойно поздоровалась Марья, и стало непонятно, чья тактика (выжидательно-позиционная или нападательная) получит драгоценный приз – плененного героиню художника.

– Зачем пришла?!

– Мне нужен Марк.

– Ой! И давно он тебе нужен?!

– Перестань, Виолетта. Мне нужен муж, у него неприятности, нам надо поговорить.

– Неприятности?! – разъяренно брызгая слюной, зашипела ненормальная воительница.

– Виолетта... – донесся из глубины квартиры слабый голос, – кто там?

И несколько секунд женщины смотрели друг на друга оторопело и, пожалуй, с ужасом.

– Марк! – опомнившись, закричала Марья. —

Это я! Я здесь!

– Не пушу!!

Что делает с поклонницами мужской талант, Савельев видел: на футбольных матчах, возле боксерского ринга, у автобуса с хоккейной командой или «мальчиковой» группой... (Говорят, на мужском стриптизе такое буйство приключается!)

Но чтобы клуб фанатов живописца включал в себя *такую* фурию, пардон, не ожидал.

Всклокоченные волосы обернулись петушиным гребнем, птичьи лапки – как в мистическом боевике! – вдруг обросли длиннющими острейшими когтями. Виолетта, нажимая на дверь тщедушной грудью, пыхла, стараясь ее захлопнуть перед носом Марьи.

Та рвалась в квартиру. Фанатичная ярость одерживала верх.

Но в засаде у полководца Марии Лютой засели боксерские полки. Роман успел-таки нажать на готовую захлопнуться дверь поверх Машиной головы, курица – в распахнувшемся, как фиолетовые крылья, халате – влетела задом в прихожую, но зычный артобстрел не прекратила.

– Не пуцу, Машка! Он мой! – гремела канонадой. – Не отдам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.